

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՀՈՒՇԱՐՁԱՆՆԵՐԸ

Հ. Մ. ՉԱԼՓԻԱՆ

Ա. Ա. ԲԱՆՆՈՒՐՅԱՆ

ՄԻՋՆԱԴՐՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ
ԱՌԵՎՏՐԱԿԱՆ ԿՈՊԵՐԸ VI-XIII ԴԴ.

(ԸՆՏ ԱՊՈՒԿԵՂՈՐԾՈՒՄԻՅԱՆ ՏԷՅԱԼՆԵՐԻ)

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ
ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ
ՀՈՒՑԱՐՉՈՒՆՆԵՐԸ

14

ԻՐԱՆԱԳՐԱՅԻՆ
ՀՈՒՑԱՐՉՈՒՆՆԵՐ

Պ Ր Ա Կ

VI

Հ. Մ. ՋԱՆՓՈԼԱԿՅԱՆ
Ա. Ա. ԿԱԼԱՆՏՅԱՆ

ԻՐԱՆԱԳՐԱՅԻՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ
ԱՌԵՎՏՐԱԿԱՆ ԿՈՒՊԵՐԸ VI-XIII ԳԳ.
(ԸՍՏ ԱՊՈՒՆԵԴՐՈՒԹՅԱՆ ՏՎՅԱԼՆԵՐԻ)

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ

ԵՐԵՎԱՆ 1988

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
АРМЕНИИ

14

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
ПАМЯТНИКИ

ВЫПУСК

VI

Г. М. ДЖАНПОЛЛЯН
А. А. КАЛАНТАРЯН

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ В VI-XIII ВВ.
(ПО ДАННЫМ СТЕКЛОДЕЛИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР

ЕРЕВАН 1988

Печатается по решению ученого совета
Института археологии и этнографии АН Армянской ССР

Ответственный редактор
академик АН АрмССР Б. Н. Аракелян

Книгу рекомендовали к печати рецензенты: докт. ист.
наук Г. А. Тирошеч, канд. ист. наук Г. О. Корбякин

Джанполадян Р. М., Калантарян А. А.
1401 Торговые связи средневековой Армении в
VI—XII вв. (по данным стеклоделия) (Отв.
ред. Б. Н. Аракелян.—Ер.: Изд-во АН
АрмССР, 1988.—с. 48, 29 д. ил.—(Археол. па-
мятники Армении; 14 Средневековые памят-
ники; Вып. 6/АН АрмССР. Ин-т археологии и
этнографии).

При раскопках двух средневековых городов Двина и Ани в слюх VI—XIII вв. обнаружено большое количество изделий из стекла как местного производства, так и привозных из стран Персидского Востока. Эти находки хорошо иллюстрируют данные письменных источников относительно широких торговых связей городов средневековой Армении почти со всеми крупными государствами Персидского Востока.

Публикуемые уникальные стекляные изделия, найденные при раскопках в Армении, в то же время являются полноценным источником для изучения стеклоделия тех стран, откуда они были привезены.

Книга рассчитана на археологов и историков, представляет также интерес для искусствоведов широкого профиля.

0507000000
Д 186—87 ББК 63.3 (2Ар) 42+63.4 (2Ар)
703(02)—88

© Издательство АН Армянской ССР, 1988

Благодаря своему географическому положению Армения играла важную роль в политической и экономической жизни Передней Азии. Ее экономические связи с другими странами расширились во время становления и развития феодальных отношений, особенно в условиях роста товарного производства. Через Армянское нагорье проходили магистральные стратегические и торговые пути, соединяющие запад с востоком, север с югом. Развитие культурно-экономической жизни страны в какой-то мере было связано с транзитной торговлей, в которой армяне принимали активное участие. Из Армении вывозили разного рода сельскохозяйственную продукцию, полезные ископаемые; особенно большим спросом пользовалась высокохудожественная продукция ремесленного производства. В Армению с Ближнего Востока, из Византии, Дальнего Востока, с севера ввозили пряности, благовония, китайский шелк, различные бытовые изделия, в том числе керамику и стекло.

В средние века на Ближнем Востоке и в Византии бурно развивается стеклоделие, и, естественно, что стекло становится одним из важных объектов международной торговли. Об этом свидетельствуют раскопки крупных городов Армении: Ани и Двина. Несмотря на то, что Армения славились своей ремесленной продукцией, в которой большое место занимали изделия из стекла, а также ввозимых товаров определенное место принадлежат продукция знаменитых египетских, сирийских, иракских, персидских и византийских мастеров. Основная цель настоящей работы—изучить этот материал и по мере возможности внести некоторые уточнения в вопросы, связанные с торгово-экономическими отношениями средневековой Армении с другими странами.

***

В раннем средневековье внутренняя торговля в городах Армении была развита сравнительно слабо. Еще в IV в. большой удар по городской жизни был нанесен походами Шапура II. Это был удар и по ремесленному производству и торговле, восстановление которых потребовало длительного времени. Некоторые сведения относительно внутренней торговли этого периода сохранились в церковных канонах, категорически запрещавших лицам духовного звания заниматься торговлей, которая считалась лишь светским занятием¹.

Будучи расположенной между двумя великими державами—Ираном и Византией—Армения стала одним из центров международной транзитной торговли. В кодексе Юстиниана, в императорском

законде 408/9 г., говорится о договоре, заключенном между Византийской империей и Сасанидским Ираном, согласно которому международный торговый обмен в Передней Азии разрешалось вести только в трех пунктах—Милбине (Нисибин, Иран), Каллиникуме (Ракка на Евфрате, Византия) и Арташате (Армения). Впоследствии роль Арташата перешла к другой столице Армении, расположенной поблизости.—Двину².

Главные торговые пути Армении этой эпохи подробно отмечены на географической карте tabula Peutingeriana. По этой карте Арташат, а с V в. Двин магистральными были связаны с Ираном, Малой Азией, Византией, Грузией, с востоком и северным портами Черного моря. Здесь указана также «царская дорога» (шардуба царств) между Арташатом и Тигранакертом, которая была частью «Большого шелкового пути», идущего из Китая³.

Наряду со столицами в международной торговле принимали участие все города, расположенные на главных торговых путях, среди которых особо выделялись Феодосиюполь (Карин) и Вагаршапат.

В V в. в последняя столица Армянского Двина, основанная в 30-х гг. IV в., становится крупным центром транзитной торговли. Впоследствии город был резиденцией армянских правителей, персидских и арабских наместников, а более четырех столетий—центром армянской церкви. Двин был крупнейшим культурно-экономическим центром Армении. Проконный Кесарийский сообщал, что «Двин (Дубюк)—страна очень плодородная, имеет хорошую воду и воздух... Тут поля—ровные, удобные для конской езды, в окружении многолюдные села, где проживают многочисленные торговцы, прибывшие сюда из Индии, соседней Иберии, почти от всех народов, подвластных персам, и даже из римских стран привозят туда товары, которыми тут же торгуют»⁴.

Согласно этнографно-дорожничку (по-арм.—эмонгачак—эмилдер), составленному Аванией Ширакци в VII в., из Двина в разных направлениях шли пять торговых путей. Северная дорога через Партав и Дербсид вела в Восточную Европу, западная—через Малую Азию вела в Константинополь, юго-западная—Дамаск, Иерусалим и Северную Африку, юго-восточная—в Накхчеван, Ктефсон, к Персидскому заливу, восточная—в Пайтакаран, к Каспийскому морю и в Среднюю Азию⁵.

Средневековые армянские дорожники дают более подробную картину торговых путей, не ограничиваясь только административными пунктами.

Важный торговый путь, соединявший Иран с Закавказьем—Нахичеванью, Двинем и Шахумом и проходивший Бакинью, по южным берегам Каспийского моря, указан в другой работе Ширакяна. По этой дороге возили жемчуг и другие драгоценные камни¹⁰.

Большой интерес представляют свидетельства о проникновении в Армению с торговыми целями «несторан», переселившихся сюда из области Мура-реванских центров (Худжистан), одной из крупнейших торговых и ремесленных центров Сасанидского Ирана. Несторяне, игравшие большую роль в торговле Ирана, по-видимому, создали в Двине свою общину. Торговые общины в Двине, вероятно, имели и сирьяны, считавшиеся в Средиземноморье и на Ближнем Востоке умелыми торговцами¹¹. Об этих общинах косвенно свидетельствуют археологические находки, в частности, буллы, некоторые отлитки из которых явно иностранного происхождения¹².

Главными буллами с отгисками различных печатей, найденные в Двине (табл. XLVII, 1—6), освещают некоторые детали организации торговли в раннеперсидской Армении. Буллы прилагались или подвешивались на веревочке на государственные документы, на торговые тюки, ими опечатывали двери кладовых. Наличие на предмете торговли буллы с отгисками печатей свидетельствовало о его юридической принадлежности. Печатались на буллах были как государственные, так и личные. В Двине найдена 41 булла, причем некоторые из них имели до 24 печатей. Наличие большого числа печатей на одной булле, и тот факт, что те же печати встречаются и на других буллах, приводит исследователей к заключению о том, что в средневекковой Армении купцы имели свои организации, свои купеческие товарищества, особенно необходимые при дальних путешествиях и внешне-торговых сношениях¹³.

О роли торговцев в государственной и общественной жизни, о размерах их богатства свидетельствует историк VII в. Себеос. Во время похода византийцев армянские князья укрывались в замках, взяв себе как церковные, так и княжеское и купеческое имущество (сокровища)¹⁴.

Особую ценность при изучении торговых связей представляет купеческий материал, в частности, золотые клады V—VII вв. (табл. XLVIII). Наиболее ранними образцами денег, имеющих обращение в Двине, являются сасанидские серебряные драхмы, бывшие основной платежной единицей во всему Переднему Востоку.

В VI в. в Двине имели хождение монеты тридцати монетных дворов персидских родов. Наряду с сасанидскими драхмами, имели хождение византийские медные и серебряные монеты, золотые динары, о чем свидетельствуют именные памятки¹⁵. Монетные находки ясно отражают картину торговли, которая велась между Востоком и Западом через Армению.

Прямое отношение к вопросу о денежном обращении и, в особенности, распространении византийских динаров имеют обнаруженные в Двине три небольших стевляных диска с отгисками печатей,

изображающих кресты, концы которых отмечены буквой N, в двух случаях, и с— в одном (табл. XLVI, 7—9). Это образцы византийских эжгай-этианов весом 4,52; 4,52; 4,40 г¹⁶, которые прилагались для контроля и взвешивания византийских золотых динаров. Буллы на концы креста соответствуют первым буллам слов «экономос» и отсутствуют. Эжгайты имели широкое распространение в Византийской империи; ими пользовались также в тех странах, которые в V—VII вв. вели с ней оживленную торговлю. В Двине обнаружены также две византийские бронзовые гири весом в 2 и 12 номисмы, которые употреблялись весами для взвешивания золота и золотых украшений (табл. XLVII, 7).

В начале VII в. период арабского владычества, в конце VI—первой половине VIII вв. в монетной системе Армении особых изменений не наблюдается; по-прежнему имели хождение как сасанидские, так и византийские монеты. Одновременно в первой половине VIII в. появляются монеты халифата, и Армения входит в систему денежного обращения арабского халифата.

Экономический упадок, переживаемый Арменией во время арабского ига (конец VII—начало IX вв.), резко отразился на ее внешней торговле. Несмотря на условия, созданные для широкого обращения с разными областями халифата, роль Армении в международной торговле в этот период заметно ослабла. Непрерывные войны с Византией положили конец торговым сношениям стран Востока с Малой Азией, в частности, с Тразеундом¹⁷. Прекращение транзитной торговли через Армению затронула в первую очередь и ее торговлю, превратившаяся в торговлю-административные центры¹⁸ главными городами по-прежнему оставались Двин—столица Армении и в некоторой степени Феодосиюль, о ремесленном производстве которых очень похвально отзывались арабские авторы (Накуби, Иакут и др.). Однако, несмотря на ограничения, Армения продолжала вести внешнюю торговлю со странами халифата, с Ираном, Ираком. Имеются сведения о торговых сношениях с хазарами¹⁹.

Торговые пути реконструируются по находкам монет. Эти дороги упоминаются и в арабских дорожниках, в основном служащих военным целям.

Арабские дорожники были составлены в помощь военным и чиновникам. Они составлены четко и подробно, с отгисками пунктов денежного перехода и остановок. Все пути сходились в административных центрах северной провинции арабского халифата—Двине, Партаве, Мараве и Ардебеле. Пути, указанные в арабских дорожниках, вполне соответствовали той задаче, которую ставили их авторы. Булчи призываемые облегчить административное управление страной, они в основном отражают пути, связанные с арабскими войсками. Однако, естественно, что эти же дорожники пользовались не только войска и сборщики налогов, но и торговцы караванами²⁰.

С начала VIII в. в Двине начинают хождать свои монеты, которые, как показывают монетные на-

ходки, наряду с другими арабскими дирхемами имеют широкое обращение на международном рынке, и Армения как одна из провинций халифата также входит в ареал его торговых связей. Во многих кладах, найденных в Европе—в Старой Ладоге, Новгородке, Киеве, Москве, Рязани, в Швеции, Финляндии, Дании²¹—и относящихся к IX—X вв., имеются монеты, чеканенные на монетных дворах Армении.

В VIII—IX вв. в Армении имеют хождение денежные единицы соседних государств (Иран, Сирия, Табаристан, Перс, Балх) и городов (Низа, Тур, Мерв, Герат, Бухара, Самарканд и многие другие), что свидетельствует о широких торговых связях с этими областями²². Наиболее характерными для торгового обмена в этот период были серебряные монеты Багдада и Рея, Судя по арабским дорожникам очень важным в экономическом отношении были восточные и юго-восточные торговые пути. Внутри же страны был в ходу в основном медные монеты.

С IX в. во всех областях халифата, в том числе и в Армении, развитие получают производящие силы. Экономический подъем приводит к формированию феодального города, расширению торгового производства, отделению ремесленного производства от земледелия, росту внутренней и внешней торговли²³.

В IX в. политическая обстановка в Персиде Азии меняется. Начинается распад некогда могущественного арабского халифата. Ослабление центральной власти Аббасидов создает возможность для политического оживления периферийных полуавтономных княжеств. В то же время на Западе усиливается Византийская империя, во главе которой становится новая Македонская династия. После длительной борьбы Армения освобождается от арабского ига, и во второй половине IX в. образуются армянские царства Багратидов. Армянские князья, добившись независимости, стремятся к упрочению экономического положения страны.

О торговых путях Армении при Багратдах много упомянуто имеется в армянских и арабских источниках. Они подробно исследованы Я. А. Мандляком²⁴ и Б. Н. Аракеляном²⁵. Через Армению проходили две главные линии международной транзитной торговли—северная и южная, со своими ответвлениями. Главным перевалочным пунктом оставался Двин, через который проходили дороги по всем направлениям. В X в. важную роль в транзитной торговле начинает играть город Ани, выполнявший также административные функции.

Одним из первых дипломатических шагов армянских Багратдов был торговый договор с Византийской империей, заключенный в конце IX в.²⁶ согласно которому армянские купцы получали право вести торговлю через черноморские порты—Тразеунд и Синоп.

В армянских дорожниках, составленных до заключения договора, отмечен только сухопутный путь, ведущий из Армении в Европу. Дорога начиналась в Двине и шла через Кария, Египет, Конию, Амасию, Константинополь и далее в Рим. В

конце IX—начале X вв. некоторые из этих городов находились под властью медных полуавтономных халифатов мусульманских миров и были труднодоступны для торговых караванов. Согласно договору между армянским царем и византийским императором новый караванный путь должен был проходить через северные города Армении: Ани, Карс, Арши, Артаудж—и выходить к черноморским портам. Оттуда—одна дорога шла морем к столице империи, а другая—на север, в Крым. Тразеунд, являвшийся центром византийской торговли на Черном море, был хорошо известным портом еще до владычества арабов в Армении; и нем сходился многие сухопутные и морские пути. В городе несколько раз в году устраивались ярмарки, на которые съезжались купцы из разных стран. На тразеундских ярмарках можно было купить всевозможные товары и, в первую очередь, знаменитые византийские ткани²⁷.

Таким образом, в конце X—начале XI вв. торговля в основном сосредотачивается на Западе, в Византии, в связи с чем города Карс, Арши, Артаудж, находящиеся на пути из Двина и Ани в Тразеунд, начинают процветать и богатеть. Современники с восторгом описывают несметные богатства, которые получали эти города от торговли с моря и суши.

Благодаря оживленной торговле с Византией в Армению стекается большое количество византийских золотых монет, которые, как более твердая валюта, постепенно вытесняют арабский дирхем. Во всех золотых монетных кладах, найденных при раскопках Двина и его окрестностей, имеются монеты константинопольского чекана—дукаты.

Многочисленные лапидарные надписи на стенах армянских храмов являются своего рода документами денежных операций²⁸. Упоминания о золотых византийских дукатах встречаются и в арабских источниках. В это время считались наиболее стабильной денежной единицей.

Монетные находки из Двина дают определенную картину торговых отношений, характерную для всей Армении, и в то же время четко отражают политическую ситуацию в стране.

После падения царства Багратидов (1045 г.) и шестнадцатилетнего (1048 г.) в Армении временно наблюдается экономический спад. Политическая и экономическая жизнь армян в основном сосредотачивается на средиземноморском побережье, где в XI в. было создано Киликийское армянское царство, которое на протяжении трех столетий играло важную роль в политических событиях Ближнего Востока. После первых же крестовых походов между Западом и Востоком известно оживленная торговля, которая главным образом велась через Киликийские владения своим морским портам и служила участив в этой торговле и принимала участие в торговле и поддерживала связи с хорезмидской и мусульманскими восточными странами. Об этом свидетельствуют многочисленные находки киликий-

ских монет, а также предметов художественного ремесла в разных регионах²⁷.

Сельджуки, не сумевшие принять в Армении свой кочевый уклад, сами вынуждены были приспособиться к хозяйственной жизни завоеванных стран, где уже в XII в. наблюдается новый экономический подъем и дальнейший рост городов. Во второй половине XII и первой трети XIII вв. города Армении: Двин, Ани, Карин, Карс и др.—были крупными центрами ремесленного производства и торговли. Археологические раскопки в Двине и Ани, как и письменные источники свидетельствуют об оживленной торговле с разными странами. Здесь обнаружены великолепная фарисовая посуда из центров Ирана (Рей, Капан, Сутянбаба)²⁸, следом китайского происхождения, стекло из сирийских центров и др. Из восточных стран привозили драгоценные камни, золото, благовония и другие товары²⁹.

С конца XII в. наблюдается большой наплыв грузинских монет, особенно много найдено монет царя Тамара и Русудан, чеканенных в 1200 и 1227 гг.³⁰ Развитие армяно-грузинских торговых отношений способствовало политической обстановке, создававшей после освобождения армяно-грузинским войском части Армении, в том числе तथा крупных городов, как Ани и Двин, от сельджуков.

В результате оживленной торговли, главным образом международной, в XII—XIII вв. в городах Армении выделяется прослойка богатых людей (*Aghababek*), представителей торгового и ростовщического капитала. Об их огромных богатствах, крупных денежных операциях, купле и продаже больших земельных участков и недвижимого имущества, об их значительных дарах церкви мы узнаем из дарственных надписей, которые имеются в большом количестве на стенах архитектурных памятников Армении. До нас дошли и имена некоторых представителей торгового мира и финансов аристократов того времени—Парона Умца, Самадина, Тиграна Ошениа и др.³¹

***

Основные правила и законы торговли в средневековой Армении нашли отражение в статье 249 раздела светских законов Судебника Мхитара Гюшадзи. Хотя свод был составлен в XII в., эта статья, как и многие другие, отражала традиционную организацию торговли, сложившуюся в Армении в течение веков.

Торговля в городах была монополией власти государства. Исполнителями на местах были князья, регулирующие торговлю как в городах, так и в других пунктах, в обязанности которых входило установление мер и весов продаваемых товаров. Размер пошлин устанавливался государством и был единым для всех; взималась она только на месте торга и после продажи привезенного товара.

Как внутренняя, так и международная торговля требовала рынка. Одним из крупных торговых

мероприятий в средневековье были ярмарки, которые устраивались в заранее установленное время и в определенных местах. Ярмарки носила как местный, так и международный характер. Местные ярмарки, на которые собирались жители соседних городов и сел, устраивались часто: «каждое идеало или место. Так, например, в закавказском городе Партаве большие ярмарки устраивались каждое воскресенье. Туда съезжались купцы со всего Закавказья, а также из Северного Ирана. Об этом арабский географ Ибн Халкан пишет: «Около ворот Бердаа (Партав), называемых «Воротами курдов», имеется рынок «ал-хюркий» от армянского «*հիրի*»—воскресенье», величину фарсах в квартал. На него собирается народ как из окрестных местностей, так и из всех городов восточных стран. Этот рынок значительнее рынка «Куль-серез»³². Активное участие в воскресных ярмарках в Партаве принимали купцы из Армении.

Международные ярмарки устраивались реже, но длились дольше—идеало и даже месяц. Раз в году устраивались большие ярмарки в городе Трабзунде на берегу Черного моря, куда приезжала купцы из Византии, Европы, Ирана, Сирии, а также из Армении.

В больших городах, как правило, кроме главного, центрального, существовали и более мелкие, часто специализированные рынки, где торговали одним видом ремесленной или сельскохозяйственной продукции. На рынке для каждого вида товара имелось постоянное место продажи. Это были целые ряды или огороженные ряды. Из эпитафического материала узнаем, что в городе Ани существовали ремесленные и торговые специализированные рынки, улицы и кварталы (рынки для продажи скота, хлопчат, улича кузнецов, квартал ковалей, ряды мануфактуристов).

В условиях средневековой политической раздробленности, частых войн и разбойничьих набегов путешествия купцов в одиночку были не только трудными, но и опасными. Это обстоятельство привело к необходимости объединения купцов в большие организационные коллективы—комплексные караваны со своим внутренним распорядком. Во главе каравана стояли должностные лица, как правило, из богатых купцов, при которых, в свою очередь, имелись определенный штат служащих (приказчики, писцы, ватарисы и др.). Каждый караван имел свои обычаи и правила внутреннего распорядка. Существовали сборно-перевозочные пункты, где отряжались из разных мест объединения, и большой караван. Купцы за специальную плату нанимали сопровождающих и охрану. Весьма интересно, что организационные караваны независимо от национальной принадлежности и вероисповедания пользовались покровительством властей и даже при военных положениях беспрепятственно продолжали свой путь. Неприкосновенность торгового каравана, очевидно, была в то время наиболее целесообразной формой между-

родных экономических отношений. Даже самые воинственные правители, монгольские ханы, были в тесном контакте с представителями торгового капитала и покровительствовали им. Купеческие организации продолжали действовать и в местах захваченных. Как правило, люди из одного города или одной национальности и вероисповедания селились вместе в определенной части города или посёлка, за пределами городской стены. Там они устраивали общие подворья, складские помещения, нанимали общую охрану.

Если торговля с каким-либо городом была систематической, то временные торговые фактории, где бы они ни были—за городом или в обособленном районе торговой части города—превращались в постоянные пункты жителю города. Вместо временных сооружений строилось постоянное жилье, складские помещения. Для обслуживания торговцев и их караванов необходимым удобствам вдоль дорог, как правило, на расстоянии дневного пути или на трудных перевалах строились каравансарай, постоялые дворы. Размеры и количество гостиниц для купцов были прямо пропорциональны роли и значению данного города как торгового центра. В них были созданы все условия для приезжих, имелись помещения для животных, склады для товаров и лавки для торговли.

В городе Ани было раскопано несколько богатых объектов. Два из них, самых больших и богато оформленных, находились в центре деловой торговой части города, на базарной площади, недалеко от «Главной улицы» и центральных ворот.

На одном из участков городского квартала Двина частично раскопано общественное здание VII в., возможно, центрального рынка города. Помещение это занимало большое пространство и имело колоннаду в четыре ряда колонн, из которых открыто только 36³⁴.

***

Для уточнения ряда вопросов, связанных с внешними торговыми сношениями Армении, богатый материал представляет раскопки средневековых памятников, в особенности Двина и Ани, где обнаружены художественные керамика и стекло. Здесь собрана большая коллекция уникальных образцов местных и импортных стеклянных предметов, представляющая значительную историческую ценность благодаря своей многообразности и разнообразию форм и расширяющая наши представления о стекловидении в Закавказье и на Переднем Востоке в IX—XIII вв.³⁵ Она по праву считается одной из самых больших средневековых коллекций изделий из стекла, найденных при раскопках производственных центров Ближнего Востока.

Стеклоделие в Армении имеет очень глубокие корни. Ранние образцы стекла в виде ластовых бус найдены в погребениях П1—15-го до н. э., а также в урартских памятниках³⁶. Высокого разви-

тия достигло стеклоделие в античный период³⁷. Следует отметить, что в последние раскопки из Арташата³⁸, среди которых имеется весьма интересная находка—глиняная форма для отливки чаш с фасетками.

Средневековое стеклоделие продолжает лучшие традиции античного производства. Об этом свидетельствуют находки раннесредневекового стекла в Двине, Адагане, Айгеване, Гарни, Севеде и в развитии стекловидения в Армении сохранились в армянских и византийских письменных источниках. Впервые мы встречаем их у историка IV в. Агафангела в связи с описанием жития св. Рипсимы³⁹.

Интересные упоминания о различных стеклянных сосудах и церковной утвари имеются у армянских историков⁴⁰. Товма Ариурич сообщает о металлических снарядах, представляющих собой сосуда, наполненные нефтью и серой, которые применялись в армиях военных действий⁴¹. В армянских рукописях XIV—XVI вв.⁴² сохранились весьма примечательные данные о технологии и методах изготовления стекла, которые, несомненно, переписаны из более ранних источников. Видимо, в Армении имелись богатые залежи сырья для изготовления стекла, но что и указывают источники⁴³. Очень ценные сведения о стекловидении в Армении оставили византийские и арабские авторы. О производстве стекла в Басене пишет митрополит Трапезунда—Лазарюнос⁴⁴. Арабский историк Ибн Хаукаль сообщает о производстве в Армении изделий из стекла и цветного хрусталя⁴⁵. При перечислении даров, посланных армянским царем Самбатом I арабскому наместнику, наряду с роскошной одеждой упоминаются кубки и сосуды из разноцветного стекла, украшенные золотом,—дело рук византийских мастеров⁴⁶.

Они из армянских историков сообщает, что царя Катрагана видела одна дароносящая хрустальному лестью (10 000 дармов), которая наряду с серебряным крестом украсила Аникий кафедральный собор⁴⁷.

Одним из знаменитых центров стекловидения был город Двина—крупный ремесленно-торговый, культурный и административный центр средневековой Армении⁴⁸. Изучение стеклянных изделий из раскопок Двина дает возможность не только ознакомиться с образцами местного производства, но и проследить пути его развития. В Двине, на месте разрушенного дворца V—VI вв. открыты остатки печи для выливки стекла⁴⁹. Там же в большом количестве найдены производственный брак стеклянных изделий: обломки лампад, оконного стекла и др. Химический анализ этих стекол показывает, что при их производстве широко употреблялась обсыпанная, а также доломит, огромные запасы которой имеются неподалеку от Двина. По всей вероятности, в Двине в IX—XII вв. действовало несколько мастерских, продукция которых отличалась своими характерными чертами, стилистическими и технологическими особенностями. Каждая мас-

терская пользовалась своим рецептом, что подтверждено химическим анализом.

Для давнего стекла IX—XIII вв. характерно наличие большого количества алюминия.

Химический состав давнего стекла

Состав	№7*	№3*	По т.пу №1		По т.пу №3-13
			24/16	24/16-30	
SiO ₂	69-80	65-28	65-23	65-61	68-93
Al ₂ O ₃	1-73	2-52	2-11	1-63	2-21
FeO	0-28	1-12	0-74	1-01	0-35
MnO	0-26	1-00	0-43	0-087	0-24
CaO	0-41	0-80	0-84	7-82	0-02
MgO	3-16	4-49	3-77	3-37	1-63
Na ₂ O	12-60	18-24	13-87	15-29	2-57
K ₂ O	0-73	2-68	—	—	—
Li ₂ O	0-40	0-44	0-82	0-41	0-46
CaO	11,0	0,1	—	—	0,4*
SiO ₂	0-40	0-37	0-67	0-15	0,4*
FeO	—	—	0-13	0-14	—

* По каталогу.

Видимо, это связано, в первую очередь, с местным сырьем. Совпадение армянских и грузинских средневековых рецептов показывает, что для грузинского стекла⁴¹ характерно малое количество алюминия. Более того, химические анализы стекол давних импортных изделий, проведенные автором, указывают на разницу в рецептуре армянских и ближневосточных мастеров⁴². Однако некоторые исследователи считают, что давнее стеклоделение берет свое начало от средневекового источника (Иран, Ирак), впоследствии оно развивалось на месте в различных направлениях⁴³.

Определение места производства стеклянных предметов, особенно при помощи химического анализа стекла, осуществляется тем, что в средневековых источниках практика переселения ремесленников с одной страны в другую. Так, письменные источники рассказывают о переселении стеклодувов из Сирии в Египет, Ирак (Самарру) и другие центры Ирана и Месопотамии. Эти ремесленники, разумеется, ввозили в производство на новом месте в традициях своей страны. При этом стеклоделы часто привозили с собой и только свое мастерство и инструменты, но и главные компоненты сырья⁴⁴. Это обстоятельство привело к тому, что изделия, найденные в разных странах, часто имеют близкий химический состав, и поэтому определение места их производства на основании химического состава встречает затруднения.

Мастера, умело используя местный материал и соблюдая старую традицию, создавали высокохудожественные изделия. Стеклянные сосуды—как хозяйственные, так и высокохудожественные изделия—прочно вошли в быт горожан. Однако несмотря на высокое качество изделий из стекла местного производства, жители Двина и Ани, особенно богатая прослойка, покупали работы прославившихся мастеров Ирана, Сирии, Византии, лавленых мастеровских Ирана, Сирии, Византии.

Двинская коллекция стеклянных изделий из

столов V—VIII вв., содержащая большое количество перловидных предметов, привезенных из этих стран, воспроизводит четкую картину торговых связей.

Древнейшие и лучшие образцы привозного стекла, найденные при раскопках, относятся к производству иранских мастеровских⁴⁵. Предметы эти отличаются в основном фрагментарны; они представлены различными формами, но имеют единую технику изготовления и декорации. Это сосуды и чаши из толстого полупрозрачного стекла со шлифованными глубокими фасетками различной конфигурации (табл. 1—II, XIV, 1—2). Подобные чаши изготавливались и в местных мастерских, но они отличаются от привозных по своей фактуре и технике.

В этой группе особо выделяется чаша, украшенная концентрическими кругами. Подобные чаши встречаются очень редко. В завказьях латиняки они найдены лишь в Двинсе⁴⁶ (три фрагмента) и крепости Ллаван⁴⁷ (один фрагмент). В ближневосточных стеклодельческих центрах, особенно в Сузах и Кише, эти чаши получали широкое распространение в V—VIII вв. По всей вероятности, давние экземпляры происходят из этих производственных центров.

В группу ранних стеклянных изделий входит также флакон грушевидной формы с треугольными рельефными украшениями⁴⁸. Фактура стекла этого сосуда имеет сходство с фактурой стекла чаши с круглыми фасетками. Ближние параллели к этим сосудам нам не известны ни в завказьях, ни в ближневосточных центрах. Иранская посуда с рельефными украшениями и флаконы подобной формы, датируемые IV—VI вв., встречается в Сирии и Палестине.

Следующая группа привозных изделий—толстые стальные цилиндрические сосуды (табл. IV, VI—XIII, XIV, 3—9, 11—12), распространенные в Персиде Азии в IX—X вв. В специальной литературе они известны как продукция «аббасидских мастеровских Ирака (Багдада и Самарры), служившая предметом широкой торговли. Толстые цилиндрические стаканы с резным орнаментом встречаются на очень обширной территории в Средней Азии (Афрасиаб, Кулуд-тепе, Карабулак), на Северном Кавказе и даже в Севернорусском городе, раскопки которого выявили его широкие торговые связи с Востоком. Эти стаканы, как правило, входившие в один археологический комплекс с аббасидскими монетами, имели широкое распространение и хорошо известны по археологической литературе. Встречается несколько разновидностей таких стаканов, так, часть стаканов украшена круглыми фасетками, встречаемыми и в сферических рюмках сложной конструкции. Кроме ряда опубликованных образцов⁴⁹, за последние годы в центральном квартале Двина, где до конца IX в. находилась кафедральный собор, автором ка-

толоска и дворян богатых горожан, найдены перловидные экземпляры таких стаканов из толстого бесцветного стекла, украшенные резными узорами. Особо выделяется образец, покрытый резным орнаментом, который по вертикали делит поверхность сосуда на четыре поля. В двух меньших полях помещены двуплечные пальметты с отходящими в стороны завитками, рельефная часть которых окрашена в синий цвет (табл. IX, IXa), а в двух широких—спираль с трехлепестковой пальметкой в центре, лепестки которой были дополнительно гравированы. Уникальным можно с полным основанием считать три стакана из раскопок 1977 г. с орнаментом, выполненным с помощью «напильника» (табл. VII—VIII, 3). В одном образце основной орнамент в виде ветки, повторяющийся дважды, помещен на аппликации из зеленого стекла. В Двине найдены также фрагменты подобных цилиндрических стаканов, но без орнамента. На одном из фрагментов из высококачественного стекла, относящегося к тулову, частично сохранилась кувшинская надпись, которая условно читается как слово «ал-шараф»—«сочрани чести» (табл. XIII).

В давинской коллекции стекла имеется небольшая чаша также с арабской кувшинской надписью на борту. Она была выдута в форме, в результате чего надпись получила крайне нечеткую. По стилистическим особенностям буква удалось установить время и место изготовления чаши: она относится к северомосультскому изделиям IX в. (табл. XII).

Следующую группу стеклянных предметов из Двина составляют стаканы из сравнительно тонкого прозрачного стекла, расширяющиеся в верхней части (табл. XVI—XVIII). Судя по более богатой декорации, они относятся к дороготочным и редким изделиям. В коллекциях стекла, в основном Ирана и Ирака, они встречаются в единичных экземплярах. Подобные стаканы были обнаружены при раскопках Самарры, столицы Аббасидов.

Образцами международного торгового обмена уже давно считаются небольшие толстоственные флаконы с устойчивым дном и узким горлом, встречающиеся в значительном количестве находят при раскопках средневековых городов и замков (табл. XV). Они изготавливались в форме и дополнены глянцем. Эти флаконы были очень удобны для хранения и перевоза душистых масел и благовоний. Сравнительные формы, деталей орнамента, фактуры стекла этих сосудов с аналогичными изделиями из Сирии и Египта (Фустат) убеждает нас в том, что их следует считать привозными. Очевидно, именно эти изделия флаконы, предначиненные для «зеленой Азии». Эти флаконы были очень удобны для хранения и перевоза душистых масел и благовоний. Сравнительные формы, деталей орнамента, фактуры стекла этих сосудов с аналогичными изделиями из Сирии и Египта (Фустат) убеждает нас в том, что их следует считать привозными. Очевидно, именно эти изделия флаконы, предначиненные для «зеленой Азии». Эти флаконы были очень удобны для хранения и перевоза душистых масел и благовоний.

Коллекция давнего стекла обладает уникальной вазой с двумя шифтованными ручками, изготовленной из бесцветного толстого стекла и покрытой глубоким резным орнаментом (табл. XVI). Первоначально орнамент был нанесен при помощи фрезы, а затем дополнительно обработан резьбой

и шлифовой. Аналоги к этим чашам единичны, нам известен лишь один экземпляр из зеленого стекла, хранящийся в Коринтском музее стекла (США) и определяемый как иранское изделие IX—X вв.

При раскопках городов IX—X вв. часто встречаются флаконы и из горловин, изготовленные из высококачественного стекла и обработанные сложной техникой гравирования или орнамента. В давинской коллекции имеется один целый флакон и несколько горловин (табл. XX—XXI). В большом количестве подобные флаконы обнаружены на довольно обширной территории Персидеи Азии и в городах: Самарре, Ресе, Нишапуре, Афрасиабе. Особенно много их найдено в Худьбде, торговом-ремесленном городе в Средней Азии⁵⁰. Это обстоятельство дает возможность исследователям предполагать, что место производства подобных флаконов могло находиться недалеко от этого города.

В собрании стеклянных предметов из центрального квартала Двина особо выделяется кувшин грушевидной формы из толстого кристаллического стекла (табл. XIX), по форме напоминающий металлические сосуды, пользующиеся особым характеру у структуры и имитирующие горный хрусталь. Несудячно древние авторы часто терминологически путают горный хрусталь с «кристаллическим стеклом», называя то и другое «буру».

В центральном квартале Двина среди изделий, обнаруженных в слоях IX в., выделяется флакон из синего стекла сфероконической формы с узким горлом, покрытый сферической патинной. На тулову сосуда был нанесен рисунок. Из-за фрагментарности сосуда восстановить рисунок полностью невозможно. Он выполнен коричневой краской. Сохранилась живописная фигура птицы, возможно орла, которая держит в когтях свою жертву, судя по сохранившейся нижней половине, зайца. Рядом с другими деталями фигуры птицы, за исключением и пальметтами. Из арабских надписей, сделанных в надписях, удалось восстановить только несколько слов («фа аддин»—«и на него», «ма масалу», «аз ми»(2)»—«кто приливает...сто?»), «бамасулу аз джауарини»—«привинит к брильянту»⁵¹. Очевидно, на этом сосуде, как и в других подобных случаях, полный текст содержал пожелания благодати⁵². Аналогичный этому сосуду нами не обнаружено (табл. XXVIII, XXVIIIa).

* Надпись на всех сосудах прочтена доктором ист. наук А. Н. Тер-Геоцциани.

Неподалеку от этого участка центрального квартала среди других предметов IX в. в 1980 г. были обнаружены фрагменты трех толстостенных стеклянных стаканов с округлым дном.

На тулове одного экземпляра, на фоне растительного орнамента разноцветными красками было изображено фантастическое животное (табл. XXIII, 28); на борту желто-коричневой краской была сделана надпись, условно читаемая как «бисм алаах алаах-раб-ла-и-а» («В доверии к Аллаху, раба раба»). На фрагменте второго подобного, «единственного». На фрагменте третьего небольшого стакана сохранились остатки растительного орнамента и пять букв надписи по верхнему борту—«ан-лау-у»—«наследствие...» (табл. XXIII, 29). Узор на тулове третьего стакана состоял из четырехлепестковых цветков; лепестки были изогнуты вправо, а контуры и контуры коричневой (табл. XXIV, XXV). Можно различить отдельные слова надписи по борту, выполненной коричневой краской: «а/лаа»—«одина», «кайфа»—«как», «ирхамана»—«благословения», «кудуу»—«все», «арифа»—«узнала». Аналогии к этим стаканам невозможно найти; схожий образец имеется в Гос. историческом музее в Москве, где он выставлен в витрине «Торговые связи Золотой Орды в XIII—XIV вв.» Место нахождения стакана неизвестно, а датировка, судя по нашим экземплярам, неверна. Более близкие аналогии можно встретить среди находок из Сирии и Египта, относящихся к VIII—IX вв. Стакан с подобной росписью, датированный IX в. и предположительно происходящий из Египта, хранится в фонде Метрополитен-музея (США). Не исключено, что расписные стеклянные сосуды вводились также из Самары, где во время раскопок было обнаружено большое количество подобного стекла.

К раскатываемой группе сосудов примыкает и группа с тонким гнутым бортом, изготовленная из тонкого прозрачного стекла, с тонко написанной желтой, коричневой и зеленой краской. Узор на борту делится на четыре горизонтальные полосы. По верхней полосе проходит надпись, выполненная коричневой краской на желтом фоне («бабуха алаах луба (?) амлаа»—«сохрани алаах алаах...»), вторая полоса, самая широкая, содержит растительный орнамент, состоящий из чередующихся трехлопастных деревьев и небольших кустиков между ними. Третья полоса заполнена надписью, выполненной коричневой краской («шуна алаах алаах ибн амамуу»—«он алаах своего господина вперед»). Нижняя полоса, расположенная почти у дна, украшена ромбами и точками. На дне чаши помещена надпись («табааа»—«просия», «барака»—«благословение») и стилизованное изображение луны и солнца (табл. XXV, XXV).

В двинской коллекции стекла имеется еще несколько обломков чаш из зеленого прозрачного стекла с росписью и надписями, выполненными коричневой краской (табл. XXVI, XXVII).

Техника росписи стекла амальгамой, традиционная

для египетских мастеров, в Передней Азии ходит в моду с IX в. и получает широкое распространение в XI—XIII вв. в византийских и сарацинских мастерских. В этих мастерских еще с античного времени с египетской традицией росписи сочетали роспись золотом. По мере развития и усовершенствования этой техники в течение двух столетий появляются отдельные школы-мастерские с присутними им характерными чертами и особенностями художественного стиля. В отдельных случаях роспись на стеклянной посуде выполнялась с высокой степенью мастерства. Отличительной чертой этих школ являлось не столько форма сосудов и материал, сколько художественный стиль и техника росписи и декораций. Некоторые мастерские специализировались только на росписи, а сами сосуды изготовлялись в других мастерских. Поэтому лишь производство расписного сосуда определяет не форма, а стиль декорации сосуда. Рок Ракка (бывший Каллиникум) на берегу реки Евфрат, один из узловых пунктов переднеазиатской торговли, широко известный не только своими рынками, но и производящий ремесленные изделия, в частности, расписные сосуды, сиринских городов стал пользоваться способом расписывания прозрачных стекол эмалевой краской. В отличие от александрийских сосудов XII в., а в дальнейшем—дамасских сосудов XIII в., в росписи которых стала преобладать пышность рисунка, а использование большого количества золота, сосуда в Ракке расписывали скромно и только эмалевыми красками, получившими после обжига особый блеск.

Согласно армянским дорочникам, одной из оживленнейших артерий средневековой была торговая магистраль, которая вела из Двина в Иерусалим, к Средиземному морю и далее в Северную Африку, к портам Красного моря. Дамаск, Амидия, Маназкерт, Хлат, Ниркерт у Амиды—выходила к реке Тигр и шла в Алеппо, Дамаск и на юг. Этим путем везли дая в столицу халифов—Дамаск, шли военные и дипломатические отряды, паисы (мусульмане)—в Мекку, христиане—в Иерусалим. По этим же путем постоянными потоками шли торговые караваны. В международной торговле магистраль играла важную роль и сохраняла свое значение как при арабском халифате (VIII—IX вв.), так и в последующие века (X—XIII вв.). Внутренняя жизнь городов, расположенных вдоль этих дорог, была довольно стабильной, судя как от этой территории торговые связи неслись от политической ситуации, оставались относительно постоянными. Эти города были многолюдными, благоустроенными, имели хорошие рынки.

В Двине и Ани найдены стеклянные предметы как из расских (IX в.), так и александрийских (XII в.) и дамасских (XIII—XIV вв.) прославленных мастерских (табл. XLV).

Весьма интересны находки византийских стеклянных предметов, которые не только способствовали выяснению вопросов, связанных с торговлей от-

ношениями, но и дают возможность изучить некоторые стороны развития византийского ремесленного производства в частности, стеклостроения.

В Двине найдены первокаменные образцы мозаичных чаш и фрагменты, имевшие распространение в IX—X вв. на Западе, в частности в Италии. Неудачною часа открытой формы изготовлена техникой «эмалевой» (черный стержень, белая окрестность, срисное окаймление, чешуйки соединены короткими чертами) (табл. XXXIX, 37). Стекло голубое, толстое. Она была найдена вместе с византийскими монетами XI в. с низким флагоном цилиндрической формы с резкой очерченными плечиками, переходящими в невысокое широкое горло. Дно плоское. Сосуд расписан белой краской узором «птичьего пера» (табл. XXXVIII).

Во время раскопок обнаружены также бусы, изготовленные аналогичной техникой, и множество фигурок конической и полусферической формы (табл. XLVI, 78), звески которые, мы пришли к предположению, что это—раннесредневековые византийские гири.

В центре квартала города в слоях IX в. найден стакан из бесцветного прозрачного стекла с синими накладными нитями и волнистым узором (табл. XXXIII).

В 1953 г. в одном из помещений цитадели города Двина были найдены фрагменты флагона из тонкого стекла синего цвета, поверхность которого была покрыта росписью, нанесенной золотом и эмалью желтого, зеленого и красного цвета (табл. XXXV). Сосуд имел шаровидное тулово, узкое горло и кольцевой поддон. На тулове были расположены четыре медальоны, состоящие из большого и малого кругов с изображением людей и зверей в центре. В одном медальоне, сохранившемся в целом, изображена фигура человека с поджатыми ногами, держащего в правой руке большое платье с длинными рукавами. В левой руке он держит скрипку, в правой—смычок. В центре второго медальона, сохранившегося хуже, изображена фигура льва с приподнятой правой передней лапой. В широком наружном поле третьего медальона, от которого сохранились лишь небольшие обломки, изображены три фигуры, изображены шесть птиц, вписанных в кружки, а заполненные растительным орнаментом. Поле между медальонами покрыто орнаментом, напоминающим виноградную лозу. Весь рисунок выполнен золотом. Этот сосуд является одним из немногих предметов высокохудожественной продукции византийских мастеров, сохранившихся до наших дней.

Не меньшее значение для науки имеет изображение на сосуде, особенно фигур человека, играющего на скрипке. Этот рисунок считается древнейшим изображением скрипки-фидели. Горизонтальное положение инструмента (играющий держит скрипку в левой руке, положив ее на плечо и опираясь на нее «подбородком») характерно для изображения скрипки в Восточной Европе. В Западной, тогда как на Востоке на скрипках музыкальных инструментов играли, держа их вертикально.

Специалисты считают, что смычковые инструменты на Западе были известны с IX в. Изображенный на нашем сосуде инструмент, во многом отличающийся от современной скрипки, только условно можно назвать скрипкой, вернее ее предка, дека короче и имеет только три струны. Однако следует обратить внимание на то, что в конце деки изображены четыре колки. Действительно, мы имеем очень редкое изображение прототипа современной скрипки-фидели. По техническим и стиллистическим особенностям стакан датируется XI в. Раскопки в И. Марра и его учеников в столице Армении—Ани, показали, что центром торговли и ремесленной жизни города был «Новый город», выросший в течение небольшого времени за пределами оборонительных «шахтовых» стен цитадели (постр. 963—964 гг.)¹². Он имел свои торговые дома, рынки, гостиницы, которые, как и предполагалось, были расположены вдоль центральной артерии города—«Главной улицы» («Буч-похои»), тянувшейся от главных ворот новых городских стен (т. н. «смаботовые стены» постр. 989 г.) до Вышгородка. Вдоль нее располагались и другие общественно-административные здания—церкви, мечети, бани.

Как правило, в средневековые в больших городах, какими являлись Двин и Ани, кроме главного центрального рынка, имелись более мелкие специализированные рынки. Так, например, согласно надписи 1198/99 г. на центральном минерале мечети Кей-Султана-Шеддадла в Ани продажа хлопка, хлопчатобумажных изделий и шерсти производилась только на рынке, находившемся на площади у мечети Абул М'амрана¹³. Интересен тот факт, что отец Кей-Султана, Абул-Сувар Шеддадла, эмир и богатый купец из Двина, в свое время (1072 г.) завоевал Ани не на поле битвы, как это делалось раньше, а купил город на наличные деньги у сельджуков.

Жители города Ани вели оживленную торговлю с Византией. Государственным историческом музее в Ереване хранится крупная коллекция византийского стекла из раскопок И. Я. Марра в Ани, состоящая из дорогостоящих предметов, которые были найдены или в дворцовом комплексе, или домах богатых горожан и храмов¹⁴.

В коллекции имеется два целых предмета. Флагон из прозрачного стекла шаровидного цвета с выгнутым туловом, небольшим кольцевым дном и высоким горлом был найден в 1907 г. в сме одной из парадных комнат дворца цитадели (табл. XLIII, 7). Второй сосуд представляет собой чашу-лампу, дуноворообразной формы с небольшим дном, изготовленную из стекла молочного цвета и украшенную в средней части тремя вдавленными горизонтальными полосами и синими накладными (табл. XLII). Такие чаши, служившие лампадами, ставящимися в специальные опоры и подвешивавшимся к люстам. Среди фрагментов имеются два куска полусферических чаш, украшенных золотом и эмалью, одна из которых, сделанная из синего

стекла, хорошо реконструируется. Такие чаши также служили лампаками.

Два других фрагмента представляют собой обломки полуоформленных чаш, украшенных золотом и эмалью. Чаша из синего стекла реконструируется по небольшому фрагменту края, в верхней части украшенного золотой полоской и волнистой линией с подложками в изгибах. Согласно описанию в каталоге Афинского музея⁶⁵, к этой чаше отнеслись еще два фрагмента, на одном из которых имелось изображение плавящего лебедя. Эти фрагменты, также найденные в дворцовом комплексе, не сохранились.

Вторая чаша, найденная в храме Гагика, была изготовлена из марганцевого стекла. Туловище украшали золотые трехлепестковые кресты, а волнистой линией, между которыми были помещены небольшие кресты, выполненные эмалью (табл. XIII, 5, 6).

На двух фрагментах синего стекляного флякона также сохранились остатки росписи, от которой ушелась лишь два эмалевых трилистника и следы золотой линии. Заслуживает внимания и обломок цилиндрического стакана из бесцветного стекла с круглой цилиндрической фасеткой и остатками росписи золотом и эмалью. Кроме того, имеется фрагмент браслета из синего стекла, украшенного контурным изображением летящей птицы, выполненным желтой эмалью. Этот фрагмент найден при раскопках главной улицы города у мечети Мануче (табл. XIII, 1—4).

Выделенную нами группу стеклянных изделий XI в., найденных при раскопках двух городов — Двина и Ани, объединяют признаки, характерные для византийских стеклоделательных мастерских: фактура стекла, мотивы, стиль и техника росписи эмалью и золотом.

Несмотря на многочисленные высказывания в письменных источниках о высоком уровне византийского стеклоделия, до последнего времени были известны лишь отдельные экземпляры стеклянных изделий, несомненно, изготовленные в мастерских обширной Византийской империи. Мастерские, где производились стеклянные сосуды с росписью золотом и эмалью, были открыты сравнительно недавно; наиболее крупная из них была исследована Г. Р. Давидсоном в 30-х гг. нашего века в Корифе.

За последние два десятилетия стеклянные византийские изделия были обнаружены при раскопках в Старой Ладоге, Новгороде, Турове, Херсонесе. Особенно интересна коллекция разнообразных высокохудожественных стеклянных византийских сосудов найдена в Новгороде⁶⁶. Английский археолог А. Мегав при раскопках греческой крепости Пафос на Кипре обнаружил стеклянные изделия византийских мастеров, весьма близкие по формам и рисункам к новгородским. Все они датируются XI и началом XII в. Таким образом, археологическая наука сразу стала располагать немалым количеством хорошо документированных стеклянных византийских предметов, о которых ранее судили лишь по

терской грузинского города Орбети (табл. XXVII, 16, 17).

В конце XII и начале XIII вв. в связи с оживлением торговли с северным соседом наблюдается большой приток в Армению грузинских монет. Наиболее часто встречаются медные монеты времен царя Тамара и Русудана.

В 30-х годах XIII в. тяжелый удар Армении нанесли монгольские завоеватели. В последующие годы Армения стала ареной беспрерывных войн и набегов, вследствие чего страна пережила глубокий политический и экономический упадок: разорвались и опустошались иштунские города и целые области⁶⁷. Начинается массовое переселение городских жителей-ремесленников и кузнеческого сословия.

Возвращение новой политической обстановки в Средней и Передней Азии (Монгольское ханство, Золотая Орда) в международную торговлю стали играть важную роль северные торговые пути, которые шли из Туркмении в Хорезм, через золотоордынские города к Балтийскому морю. Это перемещение тоже глубоко отразилось на жизни армянских городов. Торговля в основном была сосредоточена в армянских колониях, которые образовались в Дербенте, Трапезунде, в Крыму, на Северном Кавказе, Львове, Киеве и других местах по пути торговых дорог⁶⁸.

Подводя итоги нашего исследования можно отметить, что работа, кроме цели публикации очень

ценного и важного материала импортного стекла, найденного в Двине и Ани, ставила перед собой задачу на основании комплексного изучения археологических письменных источников показать схему торговых отношений Армении VI—XIII вв.

В работе использован археологический материал из двух средневековых городов Армении — Двина и Ани. При работе над коллекциями древностей из раскопок этих городов было направлено на выявление основного внимания было направлено на выявление привозных стеклянных предметов с возможным определением места их происхождения.

Наиболее плодотворные результаты в этом отношении дает анализ монетных находок, стеклянных изделий и художественной полковой керамики. К сожалению, металлургические предметы при раскопках этих городов были найдены в небольшом количестве.

Для уточнения и дополнения основных выводов археологического материала были использованы дошедшие до нас письменные источники, армянские, арабские и византийские авторы, а также армянский энциклопедический словарь.

Таким образом, при сопоставлении всех источников, касающихся средневековой Армении, вырисовывается картина широкой и интенсивной торговли, которую в VI—XIII вв. веда города Армении, крупные центры ремесла и торговли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чамбарцянц Зурб. В. Երևան, 1864, էջ 480; Բ. Երևան, 1871, էջ 150, 264, 265.
2. Я. А. Маммадян, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, Ереван, 1954, с. 108.
3. Там же, с. 143—153; Հայ ժողովրդի պատմություն, Կ. II, Երևան, 1984, էջ 109—151.
4. Дрокоид Асхаридис, История войны римлян с персами, СПб, 1880, вып. II, с. 181—182.
5. Երևանյան Վանքաբերդը, Երևան, 1944, էջ 255.
6. И. А. Орбели, Вопросы и решения заглавля Аванга Ширакани, армянского катедра VII в. Избранные труды, Ереван, 1963, с. 514.
7. Պրբ. Բժիշկ. Քրիճիկ. 1801, էջ 70, 72; Խ. Տեղ-Երևանյան, Առաստաղակները Հայաստանում 5-8-րդ դարերում, Գրական-տեսական Տեղեկատվություն, զրբ 1, Երևան, 1946, էջ 214—215.
8. Н. Пасекалски, Славянские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, с. 5.
9. А. А. Калантарян, Раннесредневековые буллы Давида, Ереван, 1982, с. 29—30.
10. Там же, с. 20—31.
11. Պատմորեն Սերտոկ. արժանատիները Գ. Պարսպանի, Երևան, 1979, էջ 106.
12. X. А. Мумукян, Денежное обращение Давида, Ереван, 1962, с. 122—138.
13. Թ. Հ. Վաղարշյան, Ս. Ս. Վարդապետյան, Վաղ ժամանակների քանդակարվեստի հիմունքները Երևանի Պճիճի պեղումների հիմունքները, 002 1881—1982 թթ. գիտությունների ակադեմիայի արդյունքների կենտրոնի գիտական հանձնարարում, Երևան, 1982, էջ 38—39.
14. Я. А. Маммадян, Указ соч., с. 194; А. Н. Тер-Геоцоян, Армения и арабский халифат, Ереван, 1977, с. 203.
15. А. Н. Тер-Геоцоян, Указ соч., с. 203.
16. Я. А. Маммадян, Указ соч., с. 199.
17. А. Н. Тер-Геоцоян, Указ соч., с. 208—209.
18. X. А. Мумукян, Указ соч., с. 50, 156—166.
19. Там же, с. 46—49.
20. Я. А. Маммадян, Указ соч., с. 200—212; Բ. Ն. Վանքիյան, Քաղաքները և արևմտեղը Հայաստանում IX—XIII ֆֆ. Կ. I, Երևան, 1958, Կ. 2, 1964.
21. Հ. Ս. Վանքիյան, Հին Հայաստանի զինվորական արձանները, Երևան, 1936; Я. А. Маммадян, Указ соч., с. 200—259.
22. Բ. Ն. Վանքիյան, կգ. արձ., Կ. 2, էջ 22—24.
23. Յովհանն Կարբեղյանի Գրական-տեսական Պատմությունը Հայրենիք, 1912, էջ 154—160.
24. Я. А. Маммадян, Указ соч., с. 204.
25. Բ. Ն. Վանքիյան, կգ. արձ., էջ 126—128.
26. Я. А. Маммадян, Указ соч., с. 262—264; Բ. Ն. Վանքիյան, կգ. արձ., էջ 40.
27. Н. А. Орбели, Кавказская серебряная чаша конца XII века, Избранные труды, с. 323—330; Կ. Ֆ. Զավարթյան, Միջուկային Հայաստանի զինվորական արձանը IX—XIII ֆֆ., Երևան, 1981, էջ 16—19.
28. Կ. Ս. Վանքիյան, Միջուկային Հայաստանի զինվորական արձանը, 13—XIV ֆֆ., Երևան, 1981.
29. Более подробно см. Բ. Ն. Վանքիյան, կգ. արձ., էջ 46—60.
30. X. А. Мумукян, Указ соч., с. 53.
31. Н. Я. Марр, Анн. Клекаяя история города и раскопки на месте городища, Л., 1934, с. 103; Բ. Ն. Վանքիյան, կգ. արձ., էջ 181—187.
32. Միջուկային Պրբ. Գրական-տեսական, Երևան, 1975, էջ 148, 410—411.
33. СМОМПК, Կ. XXXIX, 1901, с. 8—9; Բ. Ն. Վանքիյան, կգ. արձ., էջ 29.
34. Վաղ ժամանակների Պճիճի բազարը և նրա զինվորները, Կ. II, Երևան, 1982, էջ 108—109.
35. Հ. Ս. Վանքիյան, Պճիճի միջուկային արձանի IX—XIII ֆֆ., Երևան, 1974, էջ 76.
36. Բ. М. Джамалов, О трех образцах стекла из Карини-Бура, СА, 1964, № 1, с. 307—312.
37. Բ. Ն. Վանքիյան, Գ. Ս. Տրապանյան, Ժ. Գ. Կապույտյան, Հին Հայաստանի արձանի, Երևան, 1969, Ժ. Գ. Կապույտյան, Արաբաշատ, Երևան, 1981, էջ 152, 168.
38. Բ. Н. Арсланян, Арташат, I, Ереван, 1982, с. 48—50; Ժ. Գ. Կապույտյան, Արաբաշատ, II, Երևան, 1981, էջ 123—165.
39. Ազգայնագիտական Պատմության Հայրենիք, Քրիճիկ, 1914, էջ 120, 49.
40. Մարտիկ Կապույտյանը Պատմության Արաբաշատի արձանը, Քրիճիկ, 1912, էջ 49, 62, 68; Գրական-տեսական, էջ 282 և արձանը:
41. Պատմորեն Քրիճիկի Արաբաշատ, Կ. Քրիճիկ, 1922, էջ 147.
42. Կ. Կապույտյան, Կարմիրն արձանում Հայաստանում, Երևան, 1940.
43. Միջուկային Պրբ. էջ 47; Սարգիս Ենեղյանի Միջուկային Կարմիր Կապույտյանը, Կ. Քրիճիկ, 1926, էջ 180; Կ. Կապույտյան, կգ. արձ., էջ 125.
44. Հ. Ս. Վանքիյան, Հայ-թուրքական կարմիր, 2002 ՊՄ ԵՊՄՆ-Կրիճիկ, 1969, № 7—8, էջ 132, 101 և նաև Լավաղյան Կարաթեք, Сборник источников по истории Транкавказской имерии, СПб, 1897, с. 107—108.
45. СМОМПК, вып. XXXVII, Тифлис, 1908, с. 99.
46. Գրական-տեսական, էջ 138.
47. Պատմորեն Քրիճիկի. Ժամանակագրական, Վարդապետյան, 1928, էջ 143.
48. Բ. Ն. Վանքիյան, Քաղաքները և արևմտեղը Հայաստանում IX—XIII ֆֆ., Կ. I, էջ 228—264; Հ. Ս. Վանքիյան, Պճիճի միջուկային արձանի և արձանը:
49. К. А. Костянин, А. А. Калантарян, Стекла стеклоомышного производства в раннесредневековом Давиде, ИФЖ, 1977, № 4, с. 166—174.
50. Զինվորական Վանքիյան, Պճիճի արևմտաարևմտյան շուրջը (IX—XIV ֆֆ.), Երևանի Գրական-տեսական գիտությունների, 1982, № 2, էջ 67.
51. М. Н. Чугаровича, Стеклопая посуда средневековой Грузии, Тбилиси, 1978, с. 76—81.

52. С. J. Lutten, Das Glas von Samatza, Berlin 1928, p. 129—130.
53. Հ. Ս. Վանքիյան, Պճիճի միջուկային արձանի, էջ 11, 26.
54. Ю. Л. Шолов, Древнерусские стеклодельные изделия, ВВ, XIX, 1961, с. 60—75.
55. Публикации и литература в основном приведены в каталоге настоящего издания.
56. Սեդ Քաղաքից, Վանքաբերդյան Հայաստանում V—VIII ֆֆ., Երևանի Գրական-տեսական գիտությունների, 1980, № 7, էջ 82—80.
57. Կ. Ս. Տրապանյան, Հարգանք արժանի 1262 և 1262 թթ. զինվորների կարմիրը, Պճիճի, 1968, № 1, էջ 290.
58. Սեդ Քաղաքից, կգ. արձ., էջ 20.
59. Բ. М. Джамалов, Резное стекло из Давида, СА, 1968, № 1, с. 268—274; Հ. Ս. Վանքիյան, Պճիճի միջուկային արձանի, էջ 13, 38, 41—41.
60. Z. Guljajeva, Стекло с городища Хульбух, Изв. общ. наук АН ТаджССР, 1961, вып. I.
61. Все изделия на сосудах были расфранованы доктором ист. наук А. Н. Тер-Геоцояном.
62. Н. Я. Марр, Анн. Клекаяя история города и раскопки на месте городища, Персидская надпись Коб-Султана Шед-ладида в Анн. Сборник АН СССР, посвященный влад. Н. Я. Марру, М.—Л., 1935, с. 633; Բ. Ն. Վանքիյան, Քաղաքները և արևմտեղը Հայաստանում IX—XIII ֆֆ., Կ. I, էջ 20.
64. Բ. М. Джамалов, Византийское стекло из раскопок Анн. КСИА, № 150, М., 1977, с. 85—88.
65. Каталог Англиского музея древностей, вып. I, Сост. Н. Орбели, СПб, 1910, с. 81.
66. Փ. Д. Гурезян, Բ. М. Джамалов, М. В. Малеев, Восточное стекло в Древин Рун, Л., 1968.
67. Манускрипт Теофила «Лепка» о разных искусствах, Сообщения ВПНИИЖР, 7, М., 1963.
68. Բ. М. Джамалов, Новые материалы по истории византийского стеклоделия, ВВ, XXVII, М., 1967, с. 248—257.
69. М. Н. Чугаровича, Указ соч., табл. VII—VIII.
70. Բ. Ն. Վանքիյան, կգ. արձ., էջ 261—260.
71. Բ. М. Джамалов, О двух таблицах из Анн и Болгар, КСИА, 1972, вып. 132, с. 46—52.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ВВ—Византийский вестник.
2. ВПНИИЖР—Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей.
3. ИФЖ—Историко-филологический журнал АН АрмССР.
4. КСИА—Краткие сообщения Института археологии.
5. СА—Советская археология.
6. СМОМПК—Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа.
7. Պճիճի-Վանքաբերդյան Քրիճիկ:

КАТАЛОГ

1. Чаша полусферическая на кольцевом поддоне украшена сложным орнаментом, состоящим из двух рядов вставленных друг в друга концентрических кругов, соединенных между собой круглыми и овальными фасетками. Стекло толстое (4 мм); в. * 9 см, д. в. 10 см, д. в. 4 см. Двигатель, инв. № 2305/24, VI—VII вв. Чаша эти встречаются очень редко и известны нам лишь из Двигателя (два фрагмента в коллекциях 1966 и 1975 гг.) и крепости Адаван. Публикация: Средневековое стекло, с. 32, № 2; Вестник, 1980, № 7, с. 89—90, табл. II, 1. Аналогия: Ирак. Литература: ИФЖ, 1968, № 1, с. 290; *Diculafoay*, pp. 420, 421, fig. 290; *Gläser*, taf. 52, 53; *Syta*, 1931, pp. 360—361, pl. LXXX, 4; *Glass*, IX, 16; XI, 18; *Fukaji*, pp. 306—312, fig. 12, 13.

Табл. I

2. Фрагмент полусферической чаши без поддона. На стенке—примыкающие друг к другу фасетки: в верхней части—глубокие, шестигранные, в нижней—круглые, одна боковая круглая—на дне. Стекло бесцветное, глянцевое, толстое (4 мм). Двигатель, инв. № 2305/115, V—VII вв. В шатле Двигателя найдены в большом количестве фрагменты чаш с фасетками. Подобные фрагменты известны и из ранних слоев центрального квартала города.

Табл. II, I, XIV, I—2

а. реконструкция формы.

Публикация: Средневековое стекло, с. 31—32, № 1, 1а; Вестник, 1980, № 7, с. 87—89, табл. I, С.А. 1968, № 1, с. 269—270. Аналогия: Иран, Вавилон, Адаван, Урбинс, Руста-ван, Суджидан, Шемаха, Кабала (V—VIII вв.). Литература: *Gläser*, taf. 54.; *Pinder-Wilson*, XXVII, № 1—2; *Fukaji*, fig. 4; *Ghirshman*, p. 239, fig. 292; *Iraq*, vol. I, part 2, 1934, pp. 131—132, fig. 4—6, 9; ИФЖ, 1968, № 1, с. 287—289.

3. Сосуд сферический с треугольными выпуклостями на корпусе, на кольцевом поддоне, устье узкое, горлышко разбито. Выдут в форме. Стекло бесцветное, чуть желтоватое тол-

стое, покрыто серебристой патиной; а 9 см. Двигатель, инв. № 2575/17, VI—VII вв. Публикация: Вестник, 1980, № 7, с. 92, табл. 1, 8; Сфероконические сосуды, № 60. Аналогия: Иран, Сирия. Литература: *Gläser*, s. 73, taf. 20, 21; JNES, XXIV, X 3, 1965, tabl. 45, H.

Табл. III, I, 2

4. Стакан цилиндрический с плоским дном, со шлифованными фасетками на корпусе. Стекло толстое, прозрачное, иризирующее; в 9 см, д. 9 см. Двигатель, центральный квартал, инв. № 123—82 г., IX в. Аналогия: Предполагается Иран—Ирак.

Табл. IV, 2

а. Такой же стакан, стенки украшены полигональными шлифованными фасетками. Стекло толстое (бесцветное) (4 мм); в 7,5 см, д. в. 8 см. Двигатель, центральный квартал, инв. № 2046/162, IX в.

Табл. XIV, 3

5. Фрагмент чаши, большой, открытой, с сегментными стенками и штифованными ручками. Стенки, ручки украшены растительным орнаментом. Стекло бесцветное, глянцевое, толстое (5—6 мм); иризирующее. Чаша была изготовлена в форме. Орнамент дополнительно обработан резьбой; в 10 см, д. в. 21 см. Двигатель, инв. № 2048/397, IX—X вв. а. реконструкция формы.

Табл. V, I

Публикация: С.А. 1968, № 1, с. 233; Средневековое стекло, с. 34, № 8. Аналогия: форма редкая, один экземпляр подобной чаши без ручек имеется в Коринтском музее стекла (США), куплена в Иране, датируется IX—X вв. Другая чаша с одной ручкой без орнамента хранится в Бердском музее. Место находки неизвестно (предположительно—Сирия или Египет, XII в.). Литература: *Smith*, 532; *Glass*, VI, 19; *Oliver*, fig. 30.

6. Стакан цилиндрический, большой. Украшен резным орнаментом, состоящим из вписанных друг в друга ромбиков, кружков и завитков. Стекло бесцветное, толстое (4 мм); в 9 см, д.

а. 8,5 см. Двигатель, центральный квартал, инв. № 1913/183, IX в.

Табл. VI, I—3

В коллекции имеется несколько фрагментов подобных стаканов (коллекция 1965 г.).

Табл. XIV, 4, 5, 8

Публикация: С.А. 1968, № 1, с. 270—271; Средневековое стекло, № 40.

Аналогия: Иран (Ниншур IX—X вв.), Восточный Туркестан IX в., Самарра IX в., Вирка (Швеция, иранского происхождения, IX в.), Средняя Азия X—XI вв.

Литература: *Gläser*, taf. 52; *Samsara*, № 185—187; *Oriental Glas*, tabl. III; *Pinder-Wilson*, 18; *Brick*, 1а, в.

7. Стакан цилиндрический с плоским дном. На тулове—резной орнамент в виде стилизованных птиц с овальными разделителями. Стекло толстое, прозрачное; в 6 см, д. в. 6 см. Двигатель, центральный квартал, обнаружен в 1977 г., инв. № 134—1981 г., IX в. а реконструкция формы.

Публикация: ИФЖ, 1979, № 2, с. 269.

Табл. VII, I—3

8. Стакан цилиндрический с плоским дном. На тулове—резной орнамент в виде растительных побегов с парными листьями на стебле. Стекло толстое, прозрачное; в 6 см, д. в. 6 см. Двигатель, центральный квартал, обнаружен в 1977 г., инв. № 135—1981 г., IX в.

Публикация: ИФЖ, 1979, № 2, с. 268—269.

Табл. VIII

9. Стакан цилиндрический с плоским дном (фрагментарен). Корпус рельефно украшен резным орнаментом. Вертикальные парные линии делают поверхность стакана на четыре неравных поля, в которых помещены два чередующихся орнаментальных мотива. В двух меньших отсеках изображены двупалые пальметки с боковыми сложными завитками. Стекло толстое, бесцветное; в рельефной части узора стекло окрашено в зеленый цвет; а 8 см, д. в. 8 см. Двигатель, центральный квартал, инв. № 2660/86, IX в.

Публикация: АО, 1975 г., с. 508—509; Вестник, 1978, № 2, с. 99—106.

Табл. IX, I, Xa

10. Стакан цилиндрический с плоским дном. На корпусе—резной орнамент дважды повторяющийся: геометрические пальметки на зеленом фоне с двумя резными ромбиками между ними. Стекло толстое, бесцветное с зелеными накладками под орнаментом; в 9,5 см, д. в. 9,5 см. Двигатель, центральный квартал, МАБ, № VI—II, IX в.

Публикация: ИФЖ, 1979, № 2, с. 267—268.

Табл. X, Xa

11. Стакан цилиндрический на кольцевой ножке, корпус украшен узором, состоящим из горизонтальных и вертикальных линий и фестонов. Орнамент формован, дополнительно обработан холодным способом. Стекло толстое, полупрозрачное, покрыто патиной; в 7 см, д. в. 7 см. Двигатель, центральный квартал, инв. № 1617/70, IX в. Публикация: Средневековое стекло, с. 61, № 41.

Табл. XI

12. Чаша полусферическая с отогнутым устьем на круглом поддоне. На борту, ниже рельефного узкого пояса—орнамент, иницирующийся кувшиночковой надписью. Чаша выдут в форме. Стекло бесцветное, полупрозрачное, иризирующее; в 7 см, д. в. 12 см. Двигатель, инв. № 2158/255, IX в.

Публикация: Средневековое стекло, с. 57, № 7. Аналогия: Иран—Ниншур. Литература: *Glass*, X, 21.

Табл. XII

13. Фрагмент стакана цилиндрической формы с плоским дном. Стекло толстое, прозрачное, покрыто серебристой патиной. На тулове—резная, кувшиночковая надпись («ал шафар»—«сохрани честь»); в 9 см, д. в. 9 см. Двигатель, центральный квартал, МАБ, инв. № VI—4, IX в.

а реконструкция формы.

Публикация: ИФЖ, 1979, № 2, с. 266, табл. 1, 5.

Табл. XIII

14. Фрагменты такого же стакана. Дно плоское, стенки украшены резным орнаментом в виде кружочков. Стекло толстое, бесцветное. Двигатель, центральный квартал, инв. № 1543/567, IX в.

Табл. XIV, 6

—Фрагменты такого же стакана. Двигатель, центральный квартал, инв. № 1617/126, IX в.

Табл. XIV, 11

—Фрагменты толстостенного, широкогорлового флакона с резным орнаментом в виде кружочков. Стекло толстое, бесцветное. Двигатель, центральный квартал, инв. № 1543/741, IX в.

Табл. XIV, 10

15. Стакан цилиндрический с плоским дном. Стенки украшены орнаментом в виде прок. Стекло бесцветное, покрыто бурой патиной; в 7,5 см, д. в. 7,5 см. Двигатель, инв. № 1917/294, IX в.

Публикация: Средневековое стекло, с. 61, № 37.

Табл. XIV, 7

16. Стакан цилиндрический, дно плоское, венчик—косым срезом, стенки украшены двумя рядами миндалин, внутри которых помещена шифо-

* Здесь в дальнейшем в Каталоге прилагаются следующие сокращения: в.—высота; д. в.—диаметр венчика; д. д.—диаметр дна; д. т.—диаметр тулова; МАБ—музей археологической базы.

ванная фасетка. Стекло бесцветное, толстое (4 мм); в 9,5 см. д. в. 9 см. Двиг. центральный квартал, инв. № 1917/293, IX в.
Публикация: Средневековое стекло, с. 60, № 36.

Табл. XIV, 9

17. Фрагмент стакана цилиндрической формы с резным орнаментом. Стекло толстое, прозрачное, патинированное. Двиг. центральный квартал, инв. № 122—1982 г., IX в.

Табл. XIV, 12

18. Флакон четырехгранный на четырех ножках с отбитым горлом. Формовано-выточенные. Стекло прозрачное, покрыто патиной; в 4,5—5,5 см. Двиг. цитатель, инв. № 1913/24, 1980/164, VIII—X вв.

Публикация: Шелюников, с. 22, СА, 1968, № 1, с. 271; Материалы культуры, с. 50; Вестник, 1980, № 7, с. 92; Средневековое стекло, № 72, 73. Аналогия: Иран, Ирак, Египет, Закавказье, Срединная Азия.

Литература: Iran, pl. 36; Samarra, s. 60, № 217—218, Taf. VI; Gläser, pl. 59, 61; Smith, 592; Holey, p. 41; "Orientalia", vol. 33, fasc. 2—3, p. 342, pl. XXIV, fig. 6.

Табл. XV

19. Стакан с расширяющимися вверх стенками. Орнамент на корпусе сложный, резной. Стекло прозрачное, бесцветное; в 13 см. д. в. 7 см. Двиг. цитатель, IX—X вв.

Табл. XVI

20. Стакан с расширяющимися вверх стенками. Орнамент на корпусе—резной, сложный рисунка. Стекло тонкое, прозрачное, бесцветное; Двиг. цитатель, IX—X вв. Хранится в МАБ.

Табл. XVII

21. Стакан с расширяющимися вверх стенками, дно плоское, орнамент на корпусе резной; два ряда сложных ромбов, соединенных кружками. Стекло бесцветное, прозрачное; в 15,5 см. д. в. 7,5 см. Двиг. цитатель, инв. № 1913/26, IX—X вв.

Табл. XVIII, 1, 3

а. Такой же стакан меньшего размера. В коллекции имеются фрагменты подобных стаканов с резным орнаментом. По фрагментам можно определить форму стакана, но не всегда—размеры в рисунок орнамента. Инв. № 2048/19.

Табл. XVIII, 2

Публикация: СА, 1968, № 1, с. 271; Средневековое стекло, № 42—44.

Аналогия: Египет, Мункет-Абу (VIII в.), Самарра, Рей (IX в.).

Литература: Gläser, Taf. 55—56; Samarra, № 176, 177; Iran, pl. 38; Glass, XXIII, p. 92, № 7, Oliver, p. 18—20, fig. 19, 21.

22. Кувшин грушевидный на высоком кольцевом поддоне с узкой небольшой горловиной, с кладовым сливом. Ручка массивная (с середины тулова до венчика). Форма сосуда напоминает металлическую посуду. Стенки украшены орнаментом, выполненный техникой глубокой резки. Рисунок сложный, занимает 2/3 поверхности сосуда. Стекло бесцветное, полупрозрачное, толстое (4 мм), хорошей сохранности; в 15,5 см. д. в. 6,5 см. Двиг. цитатель, инв. № 2158/261, IX в. Известен еще один обломок подобного кувшина, найденного в центральном квартале; инв. № 1543/562.

Публикация: СА, 1968, № 1, с. 271. Средневековое стекло, с. 33, № 98. Аналогия: Нишапур, Сирия, Ирак. Литература: Gläser, Taf. 53; Glass, V, p. 146, № 18, 24.

Табл. XIX

23. Флакон с конусообразной горловиной, с большим расширяющимся вверх резервуаром, плечики крутые, дно плоское. Горловина украшена шифоновым узором в виде квадратов, расположенных в трех поясных зонах, венчик дисковидный. Стекло бесцветное, полукруглое, иризирующее; в 17 см. д. корпуса 9 см. Двиг. цитатель, инв. № 2047/115, IX—X вв.

Табл. XX

24. Горловина подобного флакона конической формы с дисковидным венчиком. Украшена шифоновым узором. Стекло бесцветное, прозрачное, толстое. Двиг. цитатель, инв. № 1917/83, IX—X вв.

Табл. XXI, 1, 2

25. Горловина подобного флакона конической формы с оградой и шестигранным венчиком. Стекло толстое, бесцветное, иризирующее. Двиг. цитатель, инв. № 1794/489, IX—X вв.

Табл. XXI, 3, 4

Публикация: СА, 1968, № 1, с. 271; Средневековое стекло, с. 33, № 80—82.

Аналоги в этом флаконе имеются на широкой территории Ирана (Рей, Нишапур), Ирака (Самарра), Сирии, Египта, Средней Азии (Худжуб). Датированы IX—XI вв.

Литература: Samarra, № 202, 204—207; Gläser, Taf. 59, s. 2; Iran, pl. 33, 34, b, c, d; Glass, V, p. 145, VI, 16; Smith, 555, 557; BMM, 1965, vol. XXIII, № 6, pp. 198—208.

26. Фрагменты чаш трапециевидной формы. Стенки украшены рельефным орнаментом в виде поставленных друг на друга пальметок с побегами. Этот мотив повторяется на чаше шесть раз, выполнен редкой техникой удаленной резки. Дно плоское, имеет три concentрических желобка. На стыке стенки с дном—резные зубчики.

Стекло бесцветное, полупрозрачное, Двиг. центральный квартал, инв. № 1794/486, IX в.

Табл. XXII, 1

а. реконструкция чаши.

Табл. XXII, 2

Публикация: Шелюников, с. 11—13, Средневековое стекло, с. 57—58.

Аналогия: Самарра, Фустат, Афрасиаб, Нишапур. Литература: Gläser, Taf. 68; Samarra, № 243—246; Oliver, p. 23; Pinder-Wilson, p. LXII.

27. Чаша цилиндрическая с узорчатим дном, выдута в форме. Стекло толстое (2,5 мм), покрыто бурой патиной; в 4,5 см. д. в. 9 см. Двиг. центральный квартал, инв. № VI—2, IX в. Хранится в МАБ.

Публикация: ИФЖ, 1979, № 2, табл. II, 5. Аналогия: Египет, Ирак.

Литература: Gläser, s. 51, Taf. 9, 11; Samarra, № 158—161.

Табл. XXII, 3, 4

а. Обломок подобной чаши с аналогичным узором. Двиг. центральный квартал, инв. № 1543/667, IX в.

Табл. XXII, 5

28. Стакан, фрагменты тьялянообразного стакана с округлым дном. Стекло тонкое, прозрачное, зеленоватое. Тулово расписано желтыми, коричневыми и зелеными красками. Был изображен сюжет с фантастическими животными в растительной среде. По борту стакана—надпись, выполненная желто-коричневой краской. Предположительно читается: «бисм иллаһи /ар/и/ма/и/—«во имя аллаха милостивого... /на/да/лу/»—«единственный» Двиг. центральный квартал, инв. № 10—1980 г., IX в.

Табл. XXIII, 1

29. Стакан, фрагменты тьялянообразного стакана. Стекло тонкое, прозрачное, бесцветное. Корпус был расписан коричневой краской. По верхнему борту имелась арабская надпись, сохранилась только несколько букв «/на/му/»—«наследкается». Стакан найден родом с предшущим в центральном квартале городе в слое IX в. инв. № 12—1980 г.

Табл. XXIII, 2

30. Стакан тьялянообразной формы, фрагментарен с округлым дном. Стекло прозрачное с зеленоватым оттенком. Корпус расписан зеленой и коричневой краской, узор составлен из четырехлепестковых цветочков, лепестки зеленые, околупресты коричнево-желтой линией. По верхнему борту—арабская надпись, выполненная коричневой краской, читается отдельные слова: «/на/да/лу/—«единственный», «/ар/и/ма/и/—«благослови», «/ку/ду/»—«все», «/ар/и/фа/»—«узнал». Двиг. центральный квартал, инв. № 11—1980 г., IX в.

Табл. XXIV, XXI/a

31. Стакан цилиндрический, глубокий, дно плоское, край отогнут. Стекло тонкое, прозрачное, светло-зеленое. Корпус и дно стакана покрыты расписным орнаментом и надписью, выполненными коричневой и желтой краской. Орнамент на борту сосуда состоит из четырех зон, чередующихся с надписью, выполненная коричневой краской и желтым и зеленым наполнением; верхняя строка: «ба/ку/лу аллах /бу/а (?) ам/ла/»,—«сохрани аллах он сделал...» нижняя строка: «/бу/а аллах /д/ис/аб /и/б/и/ и ам/ам/лу/»—«он аллах своего господина вперед» на дне сосуда: «та/а/ба/и/»—«попрости», «ба/ра/ка/»—«благословение».

В 9 см. д. в. 13 см. д. д. 8 см. Двиг. центральный квартал, инв. № 136—1981 г., IX в. Обломок этого стакана был найден в 1973 г., инв. № 2614/63.

Табл. XXV, XXV/a

32. Фрагменты стакана неглубокого, с отогнутым венчиком, стекло зеленое, прозрачное. Борт стакана был украшен росписью краской зеленого и коричневого цветов, по борту—надпись, также выполненная коричневой краской. Двиг. центральный квартал, инв. № 2243/305, IX в. На сохранившихся обломках читаются отдельные слова: «/су/фа/»—«может быть», «/хай/ру/ фад/а/лу/»—«сделал блага», «а/ма/ра/»—«приказал».

Табл. XXVI, 1

а. Фрагмент сосуда из тонкого прозрачного зеленоватого стекла, по борту—арабская надпись, выполненная коричневой краской.

Табл. XXVI, 2

33. Небольшие фрагменты сосудов с росписью, остатки которой свидетельствуют об их принадлежности арнохосиденции. Двиг. цитатель, центральный квартал, инв. № 2449/100 (1—9), 1794/198 (10), 1979/24 (11), 1794/424 (12), 2449/100 (13), 1794/321, IX в.

Табл. XXVII, 1—14

Публикация: Средневековое стекло, № 70; Вестник, 1982, № 12, с. 92.

Аналогия: Египет, Иран, Ирак. Стакан с похожей росписью имеется в Гос. историческом музее в Москве, инв. № 2460, ок. 104221 № 1, происхождение неизвестно. Выставлен в витрине «Торговые связи Золотой орды» и датирован XIV в. Датировка ошибочна. Ближайшие аналогии этим стаканам имеются в Пенджикенте (ТаджССР), найденные в завале гл. 1,60 см в слое VIII в. с мшоты Тургара. Фрагменты второго аналогичного стакана были найдены в Сирии, в замке Касрал Хаир. По месту находки эти фрагменты датированы IX в., происхождение предположительно—Египет или Ракка. Третий целый стакан имеется в коллекции Метрополитенского музея (США). Ме-

то находится неизвестно, предположительно датировано IX в.

Литература: Gläser, Taf. 44, 45, 48; Qasr al Nayr, tab. G, 1, 8, 9; The Metropolitan Museum of Art Bulletin, Spring, 1975; Glass, vol. XXIII, p. 92, №6.

34. Флакон фрагментарный, яйцевидной формы с узким горлом. Стекло синее, глухое, желтоватое. Тулово расписано коричневой краской сюжетным рисунком. Сохраналась фигура фантастической птицы (орла?), державшей в когтях животное. В нескольких местах сохранились остатки арабской надписи. Удастся восстановить отдельные слова и фразы. «фа алайин» — «си на нем», «ма масалу... а-ма-га (?)» — «кто прилетит... кто(?)», «бамасуфу фи джауфарин» — «прилетит к бриллианту». Двни, центральный квартал, инв. № 2670/17, IX в.

Публикация: ИФЖ, 1979, № 2, с. 269.
Аналоги: Предположительно Ирак, Египет.

Табл. XXVIII, XXVIIIa

35. Фрагмент сосуда, стекло глухое, синее с параллельным узором. Двни, центральный квартал, инв. № 137—1981 г., IX в.
Аналоги: Египет, Ирак.

Табл. XXVII, 15

36. Фрагмент чаши, изготовленной техникой милефлоры, коричнево-белыми доминантными линиями. Стекло глухое, толстое. Двни, центральный квартал, инв. № 2614/62, IX в.

Табл. XXIX, 2

37. Чаша открытая, неглубокая. Изготовлена техникой милефлоры (черный стержень, белая окрестность, черное окаймление, ячейки соединены между собой черными точками). На дне три ячейки окаймлены оранжевой полоской. Стекло глухое, толстое; в 4,5 см. д. в 14,5 см. Двни, штапель, инв. № 2158/258.

Табл. XXXI, 1

Два фрагмента чаши, изготовленной мозаично-милефлоровой техникой, фон зеленый, ячейки желтые с желтым ободком. Стекло глухое. Двни, штапель, инв. № 1794/483, IX в.

Публикация: Средневековое стекло, № 10, Вестник, 1980, № 7, с. 96—97.

Аналоги: Иран, Ирак, Византия.
Литература: Smith, p. 243—244, pl. 484; Oriental Glass, Taf. XIIIa; Samra, s. 108, 110, Taf. VIII—IX; SPA, p. 150, pl. 361 b.

38—39. Фрагменты небольшого флакона четырехгранного сечения, в наружи имеющего форму круглого резервуара. Дно плоское, горло узкое. Флакон сделан из толстого, толстого стекла с белыми и черными прожилками в виде паропоритика. Инв. № 2158/265.

Табл. XXXI, 3

—Фрагмент такого же флакона. Стекло белое и зеленое. Инв. № 1794/489.

Табл. XXXI, 4

Публикация: Средневековое стекло, № 78—79.
Аналоги: Были найдены на всех археологических объектах Переднего Востока.

Литература: Smith, №509; Gläser, Taf. 29—32.

40. Стекан тьюльпанообразный, дно круглое, венчик оттопленный, с густым косым рифлением, с выпуклыми точками на стыке линий. Стекло тонкое, желтое, прозрачное; в 9,5 см. д. в 6,9 см. Двни, центральный квартал, инв. № 2326/135, IX в.

Табл. XXX, 1

41. Стекан тьюльпанообразный с круглым дном, венчик утолщен. Стекло тонкое, прозрачное, желтое; в 11 см. д. в 10 см. Двни, центральный квартал, инв. № 2326/134, IX в.

Табл. XXX, 2

42. Стекан тьюльпанообразный с круглым дном. Корпус состоит из квадратных ячеек. Стекло толстое, темно-коричневое; в 9 см. д. в 9 см. Двни, центральный квартал, инв. № 2326/133, IX в.

Табл. XXXI

Публикация: КСИА, 1969, вып. 120, с. 28—31, Средневековое стекло, с. 36, № 66—68, Двни 1, с. 101.

Аналоги: Сирия, Ирак, Северный Кавказ.
Литература: МАК, т. VIII, табл. CXIV, 4, 5; КСИИМК, 78, с. 116—117; Gläser, Taf. 8; Glass, vol. XV, pp. 20—21, fig. 13—15.

43. Стекан цилиндрический с округлым дном, стекло прозрачное, тонкое с голубым оттенком. Тулово стакана украшено накладными ребристыми нитями из синего стекла; в 10 см. д. в 11 см. Двни, центральный квартал, инв. № 2660/87, IX в.

Табл. XXXII

Публикация: АО, 1975 г., с. 508—509.

Аналоги: Византия.
44. Сосуд цилиндрической формы с резко очерченными плечиками, переходящими в невысокое, широкое горло. Дно плоское. Поверхность сосуда расписана белой краской узором «пчельные пера». Стекло прозрачное, синее; в 12 см. д. в 4,5 см. д. в 5 см. Сосуд найден вместе с мозаичной чашей (№ 37) и византийскими монетами X—XI вв., Двни, штапель.

Публикация: Средневековое стекло, № 113.
Аналоги: Византия.

Литература: Gläser, s. 100—101, Taf. 31a.

Табл. XXXIII

45. Сосуд с округлым резервуаром и плоским, выгнутым вовнутрь дном. Горловина невысокая,

широкая с раздутым и раздутой средней частью. Под раздутым—овальные насечки. Стекло тонкое, прозрачное, марганцевого цвета с темными разводами; в 12,5 см. д. д. 7,5 см. Двни, штапель, X—XI в.

Публикация: Средневековое стекло, № 112.

Табл. XXXIV

46. Флакон с округлыми резервуаром, с узким горлом на кольцевом поддоне из синего прозрачного стекла. Поверхность корпуса расписана золотом и цветными эмальями (желтой, зеленой, красной) с богатой орнаментацией. На тулове сосуда изображен человек со смычковым инструментом в медальоне. На двух других медальонах сохранились изображения зверей (один из них—лев). Каждая центральная фигура окружена полком из кружочков с изображением птиц и растительной орнаментацией; выс. сохранившейся части 6,5 см. д. т. 8,5 см. Двни, штапель, инв. № 2158/262, XI в.

Публикация: КСИИМК, 1955, вып. 160, с. 120—124, Средневековое стекло, № 83.

Аналоги: Стекланные изделия византийского производства: чаша в соборе св. Марка в Венеции, фрагменты из Египта, Ирана, Корифа.
Литература: Gläser, s. 105—109, Taf. 34, Phil'p-re, p. 104.

Табл. XXXV

47. Фрагменты стакана, расширяющегося кверху, стенки расписаны цветными эмальями. Рисунок не восстанавливается. Сохранились только следы двух алтарей серого и красного цвета и двух людей воле инв, одетых в хитоны. Руки протянуты к алтарю, над головами—нимбы. Техника росписи и композиция рисунков напоминают «раскраску группу» художественной росписи стекла X—XI вв. Стекло тонкое, прозрачное. Двни, штапель, инв. № 1794/349.

Публикация: Средневековое стекло, с. 62, № 52.
Аналоги: Сирия, Египет.

Литература: Gläser, Taf. 90^a, 96^a, 112, 11^a.

Табл. XXXVI

48. Фрагмент дна сосуда, форму которой установить не удастся. На черном фоне сделан узор из стекла желтого и зеленого цвета при горячем состоянии стекла. Стекло серое, глухое, толстое. Двни, штапель, инв. № 1794/478, X—XI в.

—Фрагмент дна сосуда, аналогичного по технике предыдущему. Стекло серое, глухое. Двни, штапель, инв. № 1847/110, X—XI в.

Публикация: Средневековое стекло, с. 60, № 34a, в. Аналогии: встречаются в Рустави и в материалах из раскопок стекольной мастерской в Орбети. Возможно грузинское происхождение.

Табл. XXVII, 16, 17

49. Кувшин грушевидной формы с широким горлом и слегка округлым венчиком, на кольцевом узорчатом поддоне. Украшен накладными ни-

тями: прямыми—в верхней части, ломаными—в середине корпуса, с двух сторон которого помещены большие капли из стекла зеленого и марганцевого цвета. Стекло прозрачное, светло-зеленое; в 15 см. д. в 6 см. д. д. 6 см. Двни, штапель, инв. № 2121/24, XII—XIII вв.

Табл. XXXVII

а. В коллекции имеется такого же типа сосуд с ручкой. Инв. № 2292/227, XII—XIII вв.

Табл. XXXVIII

50. Фрагмент сосуда, горловина которого состояла из двух, соединенных между собой перегородкой трубок с двумя сляями, одной тонкой ручкой из тонкого стекляного прутка с тремя петельками. Сосуд был украшен накладными нитями и разноцветными илаллами. Стекло тонкое, прозрачное с желтым оттенком. Двни, штапель, инв. № 1917/297, XIII в.
—В коллекции имеется несколько экземпляров подобных сосудов, раскопанных в жилищных штапелях в слоях XIII. Инв. № 1617/108, 201, 209; 1917/35; 363; 2046/131.

Табл. XXXIX

51. Кубок с воронкообразным резервуаром, переходящим в выгнутую ножку на дискообразном поддоне. Верхняя часть резервуара слабо рифленая. Украшена накладными нитями и илаллами желтого и марганцевого цвета стекла. Стекло бесцветное с желтоватым оттенком, прозрачное; в 19 см. д. в 7 см. Двни, штапель, инв. № 2121/131, XII—XIII вв.

Публикация: Средневековое стекло, № 71, 95, 101, 102.

Аналоги: Рустави XII—XIII вв., Свои (Грузия).
Литература: Чугаровича, табл. VII—VIII; Glass, XV, p. 23, fig. 22—23; Samra, s. 91, № 261—263; Gläser, Taf. 27.

Табл. XL

52. Деталь ручки в виде диска с тремя острыми выступами. В центральной части—штампованная имитация арабской надписи. Стекло прозрачное, бесцветное. Двни, штапель, инв. № 1794/489, IX—X вв.

Табл. XLI, 1, 2

а. Деталь ручки в виде овального медальона. Лицевая сторона гладкая со штампованной арабской надписью: «Сделал Али, сын Абдалаха». Такие медальоны прикреплялись к нижней части сосуда у стыка ручки с сосудом. Стекло бесцветное. Двни, штапель, инв. № 1917/265, VIII—IX вв.

Табл. XL, 1, 4

—Круглый диск-штамп (мера веса) с тисненой арабской надписью. Стекло бесцветное. Двни, случайная находка, инв. № 2305/18, VIII—IX вв.

Табл. XL, 1, 3

—Круглый диск-штамп (мера веса). С одной стороны—выступ. Имеет арабскую надпись. Дивн, итадель, инв. № 2588/75, VIII—IX в.

Табл. XL, 1, 5

Публикации: Среднековое стекло, № 120, 121. Аналогия: Египет, Иран, Средняя Азия. Литература: *Iraq*, Taf. 28; *Glass*, XIII, pp. 66—76; *Безбородов*, с. 134.

53. Чаша-лампада воронкообразная, с узким дном и расширенной верхней частью. Украшена тремя вдавленными горизонтальными полосками и овальными налетами из синего стекла. Стекло матовое, молочного цвета. Такие чаши вставлялись в специальные оправы и подвешивались к металлическим каркасам длиной в 10 см, д. в 10 см, д. в 1,5 см. Считается: Ани, инв. № 516. Дар акад. К. Меджид-Огаджанина, который приобрел ее где-то в районе Ани.

Публикации: КМК, с. 151, табл. XLVI, 1. Аналогия: Иран, Чаша, изготовленные подобной техникой, известны в Южной России. Литература: *Iraq*, 1934, vol. 1, part. 2, fig. 5; *Тмуракань* 1963.

Табл. XLII

54. Флакон с вытянутым туловцем, коническим дном, крупными плечиками с перекатом, высоким горлом. Стекло прозрачное, марганцового цвета; в 9 см. Ани, итадель, дворцовый комплекс, инв. № 123/781, XI в.

Публикации: КСИА, 150, с. 85—89; Реестр, 1907 г., с. 20; КМК, с. 67; КМК, с. 76, № 743; *Аракелян*, т. I, с. 260.

Табл. XLIII, 7

55. Фрагменты полусферической чаши, украшенные золотом и эмалью, край сосуда был украшен золотой полоской и волнистой линией с подковками на изгибах. Стекло синее, прозрачное. Ани, итадель, дворцовый комплекс, инв. № 123/795, XI в.

Табл. XLIII, 5

56. Фрагмент чаши сферической формы, туловцо было украшено трехцветными крестами «византийского типа», выполненными золотом и небольшими крестиками между ними, выполненными белой эмалью; д. в 11 см. Ани, храм Гагика, инв. № 123/799, XI в.

Табл. XLIII, 6

57. Фрагменты флакона с остатками росписи золотом и эмалью. Стекло синее, прозрачное. Ани, итадель, дворцовый комплекс, инв. № 123/818, 819, XI в.

Табл. XLIII, 1

58. Фрагмент цилиндрического стакана, украшенного круглой шифонованной фасеткой и остатками росписи золотом и эмалью. Стекло про-

зрачное, бесцветное. Ани, итадель, дворцовый комплекс, инв. № 123/808, XI в.

Табл. XLIII, 4

59. Фрагмент браслета, украшенного изображением летящей птицы, выполненной желтой эмалью. Стекло синее, бесцветное. Ани, ул. Марра, участок мечети Мануче, инв. № 123/801, XI в.

Табл. XLIII, 3

60. Фрагмент сосуда с рельефо-резным узором в виде растительного побега. Стекло бесцветное, толстое. Ани, итадель, дворцовый комплекс, инв. № 123/813, XI в.

61. Фрагмент флакона. Устье круглое, зубчатое. Стекло прозрачное, синее. Ани, итадель, инв. № 123/787, XI в.

Публикации: КМК, с. 83.

Табл. XLIII, 2

62. Фрагменты кувшина с высоким горлом, на поддоне. Украшен некаддыми нитями и наделами из красного и синего стекла. Инв. № 123/821, XI—XII вв.

Публикации: КМК, с. 68; Реестр, 1907 г., с. 22, 179; *Аракелян*, т. I, с. 260; КСИА, 150, с. 85—89; КМК, с. 77—79; № 749, 756, 770, 773—775.

Аналогия: Византия, Египет. Литература: См. Восточное стекло.

63. Фрагмент сосуда с рельефными украшениями из накладных нитей марганцового и синего цвета. Стекло бесцветное, прозрачное. Ани, итадель, инв. № 123/800, XI—XII вв.

Табл. XLIV, 4

64. Фрагмент сосуда с изображением лебедя. Фигура птицы околонуена красными линиями. Ани, город, инв. № 123/803, XI—XII вв.

Табл. XLIV, 8

65. Фрагмент стакана, верхний борт украшен узором из золотых и красных штрихов. Ани, итадель, инв. № 123/786, XI—XII вв.

66. Фрагменты сосуда, возможно, стакана, украшенного сюжетным рисунком, выполненным красной, синей, желтой, зеленой эмалью и золотом. Стекло бесцветное, толстое. Ани, итадель, дворцовый комплекс, инв. № 123/807, XI—XIII вв.

Табл. XLIV, 3

67. Фрагмент стакана с орнаментальным фризом на борту, выполненным эмалью красного и зеленого цвета с золотым заполнением. Стекло тонкое, бесцветное. Ани, итадель, дворец, инв. № 123/806, XI—XIII вв.

Табл. XLIV, 6

68. Фрагмент стакана с орнаментальным фризом, выполненным эмалью и золотом. Стекло тонкое, прозрачное. Ани, итадель, дворец, инв. № 123/807, XI—XIII вв.

Табл. XLIV, 1

69. Фрагменты стакана с изображением рыб, выполненных золотом, околонуенных красной

краской. Стекло прозрачное, бесцветное. Ани, город, инв. № 123/793, XII в.

Табл. XLIV, 9

70. Фрагмент стакана, украшенного золотом и эмалью. Стекло бесцветное, толстое (3 мм). Инв. № 123/805.

Табл. XLIV, 7

71. Фрагменты (три) стакана, украшенного эмалью и золотом. Стекло бесцветное, прозрачное. Ани, город, гостиница, инв. № 123/808, XII в.

Табл. XLIV, 5

72. Фрагменты стакана с орнаментальным фризом, состоящим из надписи, выполненной золотом на синем фоне. Часть надписи прочтывается: «Салам...» Ани, итадель, инв. № 123/808, XIII в.

Табл. XLIV, 2

73. Фрагмент лампады с остатками надписи, выполненной золотом и эмалью. Ани, церковь Апостолов, инв. № 123/804, XIII в.

74. Фрагмент лампады, украшенной орнаментальным фризом и арабскими, золотой и эмалью. Ани, церковь Апостолов, инв. № 123/783, XIII в.

75. Фрагмент венчика чаши, расписанной позолотой и синей эмалью. Горизонтальные пояса окаймлены узкими линиями коричневой краски. Гарни, итадель, инв. № 2234/170а, XII—XIII вв.

76. Фрагмент сосуда из тонкого, бесцветного стекла с такой же росписью золотом. Гарни, итадель, инв. № 2234/170 в, XII—XIII вв.

Публикации: *Marr*, 1913, с. 61; *Аракелян*, т. I, с. 260; КМК, с. 77—79, № 783, 786, 793, 800, 803—808, 816.

Аналогия: Сирия, Египет. Литература: *Glaser*, S. 243—352, Taf. 89—166; *Laine*, 73—74.

77. Сосуд-козба с грушевидным туловцем высокой, вытянутой горловиной и чашевидным устьем. Сосуд опирается на дисконидную ножку с косяками линиями. Переход от тулова к горловице обозначен волнообразными нитями. Стекло тонкое, прозрачное, желто-зеленого цвета. Особенности этого сосуда состоят в том, что внутри его, на дне закреплен в форме миниатюрной кувшинки такой же формы, с короткой горловиной и с четырьмя ручками. В 22 см, д. д. 5,5 см, д. г. 11 см. Этот сосуд является уникальным образцом ближневосточного стекловедения. Для изготовления его способом свободного дутья требовалось большое умение мастера-стеклодува.

Гарни, инв. № 1—1965 г.

Публикации: *Петроски*, с. 123—124.

Табл. XLV

78. Конические и полусферические чаши из глыбого стекла, изготовленные из желто-мозаичного; д. д. 1—2 см, в 1,5—2,5 см. Дивн, итадель, центральный квартал, инв. № 1906/201, 1906/

76, 2305/4, 2326, V—VII вв. Подобные фигуры известны в Северной Европе (Швеция) и на Руси в X—XI вв. Считается, что они являются фигурами для игры и условно называются «шашиками». Возможно, эти предметы служили гириями (мера веса).

Публикации: *Матер алаяна култура*, табл. XXXIV, 2—5; Среднековое стекло, № 131; *Варданян, Калантарян*, с. 38—39. Литература: *Корзунна*, с. 85—102; *Birka*, t. 147—148, 149.

Табл. XLVI, 1

79. Три небольших стеклянных диска с отгиснутым изображением креста, концы которого отмечены греческой буквой ϵ в двух экземплярах и η в одном случае. Это были стеклянные эталоны, весовые единицы византийской эвхатин, они применялись для контроля веса византийских золотых динаров. Буквы на конце креста соответствуют первым буквам Новизмы-Эвхатинона. Эталоны весят 4,52, 4,52 и 4,40 грамма. В коллекции древностей из Дивни имеются еще две византийские гири из бронзы (2 и 12 номисма). Дивн, итадель, инв. № 2197/307, 2588/73, 74, VI—VII вв.

Публикации: *Варданян, Калантарян*, с. 38—39. Аналогия: Египет, Византия. Литература: *Smith*.

Табл. XLVI, I; XLVII, 7

80. Глиняные буллы с различными оттисками печатей. Дивн, итадель.

Публикации: *Калантарян, Булла*, табл. XV, 13, 15—18.

Табл. XLVII, 1—6

81. Сасанидские и византийские серебряные монеты. Дивн, город. V—VII вв.

Публикации: *Мурсеян*, с. 122.

Табл. XLVIII

82. Фаянсовые чаши, расписанные кобальтом. Дивн, центральный квартал, IX в.

Публикации: *Жамкоян, Фаянс*, с. 89—90, табл. I, 1а. Аналогия: Иран.

Табл. XLIX, 1, 2

83. Листровая чаша из Самарры, Дивн. IX в. Публикации: *Жамкоян, Фаянс*, табл. 1а.

Табл. I

84. Листровая ваза в виде сирини, иранского происхождения, Дивн, XII—XIII вв.

Публикации: *Жамкоян, Фаянс*, табл. 10а. Табл. I, I, 1. Публикации: *Жамкоян, Фаянс*, с. 111—112, табл. VI.

Табл. II, 2

85. Фрагмент полноримской листровой чаши с изображением всхожести. Иран, XII в. Публикации: *Жамкоян, Фаянс*, с. табл. 2. Табл. II, II

ЛИТЕРАТУРА К КАТАЛОГУ

- АО, 1975—Джамаловца Р. М., Каландарян А. А. Стекло-
ные сосуды из раскопок Двина. Археологические откры-
тия 1975 г., М., 1976, с. 508—509.
- Армения—Аракелян Б. Н. Горюла и ремесла Армении в
IX—XIII вв., т. 1. Ереван, 1968; т. II, Ереван, 1964 (на
арм. яз.).
- Безбородов—Безбородов М. А. Стеклоделие Средней Азии
в древности и средневековье, Ташкент, 1963.
- Варданян, Каландарян—Варданян Р. О., Каландарян А. А.
Образцы византийских денежных весовых единиц из
раскопок Двина. Тезисы докладов на научной сессии,
посвященной итогам полвека арх. вост. в АрмССР
(1961—1982 гг.), Ереван, 1983 (на арм. яз.).
- Вестник, 1978—Кафедрант К. Г., Каландарян А. А. Раскопки
Двина в 1975—1976 гг., «Вестник общ. наук» АН
АрмССР, 1978, № 2, с. 99—106 (на арм. яз.).
- Вестник, 1980—Каландарян А. А. Стеклоделие в Армении в
V—VIII вв., «Вестник общ. наук» АН АрмССР, 1980,
№ 7, с. 85—98 (на арм. яз.).
- Вестник, 1982—Каландарян А. А. Основные итоги раскопок
Двина в 1980 г., «Вестник общ. наук» АН АрмССР, 1982,
№ 12, с. 87—94 (на арм. яз.).
- Восточное стекло—Гуревич Ф. Д., Джамаловца Р. М., Ма-
левская М. В. Восточное стекло в древней Руси, т. 1,
1968.
- Галбамидзе—Галбамидзе Г. Раскопки Тобро-Ерда (Ни-
нгуштван), «Декоративное искусство СССР», М., 1970,
№ 7/152.
- Гукаладзе—Гукаладзе Э. Стекло из городища Хульдук, Из-
вестия от. общ. наук ТаджССР, 1961, вып. I.
- Двин, I—Каландарян А. Двин, I, раскопки центрального
квартала (1964—1970 гг.), Ереван, 1976 (на арм. яз.).
- Жакохян—Жакохян А. С. Фаянс средневековой Армении
IX—XIV вв., «Археологические памятники Армении»,
вып. 10, Ереван, 1981 (на арм. яз.).
- ЮФЖ, 1968—Тарасов Г. А. Из материалов раскопок крепости
Анаван в 1963 и 1965 гг., «Историко-филологический
журнал», 1968, № 1, с. 282—291, (на арм. яз.).
- ЮФЖ, 1979—Каландарян А. А. Работы динской археологи-
ческой экспедиции 1977 г., «Историко-филологический
журнал», 1979, № 2, с. 263—269 (на арм. яз.).
- Каландарян—Каландарян А. А. Раннесредневековые буллы из
Двина, «Археологические памятники Армении», вып. 13,
Ереван, 1982.
- КАМ—Каталог Ашйского музея древностей, вып. I, СПб.,
1912.
- Кафедрант—Кафедрант К. Г. Горюла Двин и его раскопки,
т. 1, Ереван, 1952 (на арм. яз.).
- КМК—Мунеев Е. Каталог музейных коллекций, вып. II,
Предметы, выявленные раскопками Аин, Ереван, 1982
(на арм. яз.).
- Корзухина—Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси, «Со-
ветская археология», 1963, № 4, с. 85—102.
- КСИА, 120—Джамаловца Р. М. Новые данные о стеклоделии
Двина, «Краткие сообщения Института археологии АН
СССР», М., 1969, вып. 120, с. 28—31.
- КСИА, 150—Джамаловца Р. М. Византийское стекло из
Аин, «Краткие сообщения Института археологии АН
СССР», М., 1977, вып. 150.
- КСИИМК, 60—Джамаловца Р. М. Стеклоный сосуд из
Двина, «Краткие сообщения Института истории матери-
альной культуры АН СССР», вып. 60, 1955, с. 120—124.
- КСИИМК, 78—Крумова Е. И. Новые источники по древней
и средневековой истории Северного Кавказа, «Краткие
сообщения Института истории материальной культуры АН
СССР», № 78, М., 1960.
- МАК—Юсупов В. С. Могильники Северного Кавказа, «Ма-
териалы по археологии Кавказа», т. VIII,
Март, 1913—Март Н. Я. XI ашйская археологическая кам-
пания, СПб., 1913.
- Материальная культура—Каландарян А. А. Материальная
культура Двина IV—VIII вв., «Археологические памят-
ники Армении», вып. 5, Ереван, 1970.
- Мунеев—Мунеев Е. А. Денежное обращение Двина по
нумизматическим данным, Ереван, 1962.
- Петросов—Петросов Г. Я. Горюла в IX—XIII вв., диссерта-
ция, на правах рукописи, Ереван, 1984, с. 123—124.
- Ресстр, 1907—Март Н. Я. Ресстр предатов древностей из
VI (1907 г.) археологической кампании в Аин, «Ашйская
серия», № 2.
- СА, 1968—Джамаловца Р. М. Резное стекло из Двина, «Со-
ветская археология», 1968, № 1, с. 268—274.
- Средневековые стекло—Джамаловца Р. М. Средневековое
стекло Двина IX—XIII вв., «Археологические памятники
Армении», вып. 7, Ереван, 1974.
- Сферические сосуды—Джамаловца Р. М. Сферические
сосуды из Двина и Аин, «Археологические памятники
Армении», вып. 12, Ереван, 1982.
- Тутуаракан—Керамика и стекло древней Тутуаракан
(сборник статей), М., 1963.
- Шехоников—Шехоников Б. А. Керамика и стекло из
раскопок гор. Двина, «Труды Гос. исторического музея
Армении», т. IV, Ереван, 1952.
- Чепорядов—Чепорядов М. Н., Стеклоянная посуда
средневековой Грузии, Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
- Битка—Araban H., Bitka, I, Uppsala, 1940—1943.
- Dieslaff—Dieslaff M., L'astropole de Susse, t. III, Paris,
1893.
- Freimersdorf—Freimersdorf G. F., Römische Gläser aus Köln,
Leipzig, 1939.
- Fukaji—Fukaji Shōjū, Persian Glass, New York, 1977.
- Chirshman—Ghrashman R., Parthians and Sassanians, London,
1962.
- Gilbert—Lamm C. J., Mittelalterliche Gläser und Stainsschalt-
arbeiten aus Nahen Osten, Bd I, II, Berlin, 1929—1930.
- Glass, XIII—Miles G. C., Umayyad and Abbasid Glass. Weights
and Measure Stamps in the Corning Museum, Journal
of Glass Studies, vol. XIII, 1971, pp. 66—76.
- Glass, XV—Pinder-Wilson R. H., and Scanlon G. T., Glass
Finds from Fostat, Journal of Glass Studies, vol. XV,
1973, pp. 12—30.
- Glass, XVII—Fetisberg C. D. A Medieval Mystery: Byzantine
Glass Production, Journal of Glass Studies, vol. XVII,
1975, pp. 127—141.
- Honey—Honey W. B., Glass, A Handbook and Guide to the
Museum Collection, London, 1915.
- Iran—Lamm C. J., Glass from Iran, London, 1935.
- Iraq, 1934—Harden D. B., Glass from Kish, Iraq, 1934, vol.
I, part 2, pp. 131—136.
- JNES—Erlinghausen, The Uses of spherico-conical vessels in
the Museum East, Journal of Near Eastern Studies, XXIV,
1965.
- Lani—Lani Arthur, Medieval Finds at Al Mina in North Sy-
ria, «Archaeologia», LXXXVII, London, 1938.
- M.M.B., 1965—Marle G. Lubens, Medieval Islamic Glass, «Me-
tropolitan Museum of Art Bulletin», 1965, vol. XXIII,
num. 6, pp. 198—203.
- Oliver—Oliver P., Islamic Relief Cut Glass: A Suggested
Chronology, «Journal of Glass Studies», III, 1961.
- Oriental Glass—Lamm C. J., Oriental Glass of Medieval Da-
te Found in Sweden and the Early History of Lustre Pa-
inting, Stockholm, 1941.
- Orientalis—Legland J., Fouille et travaux en Egypte et Sou-
dan, 1962—1963, «Orientalis», vol. 33, fasc. 2—3.
- Phillippe—Phillippe Joseph, La Monnaie byzantine dans l'histo-
ire de verres (V—XVI siècle), Bologn, 1970.
- Pinder-Wilson—Pinder-Wilson R. C., Cut-Glass Vessels from
Persia and Mesopotamia, «The British Museum Quarterly»,
vol. XXVII, № 1—2, 1963.
- Qasr al Wasit—Oleg Grabar, Renata Hulot, James Krusatz,
Ham. Tronadeis, City in the Desert Qasr al Hayr, East,
Cambridge, 1978, t. 1, 1—11.
- Samarra—Lamm C. J., Das Glass von Samarra, Berlin, 1928.
- Smith—Smith R. T., Glass from the Ancient World, New
York, 1956.
- Syria, 1931—Lamm C. J., Les verres trouves a Suse, «Syria»,
vol. XIII, 1911, pp. 358—367.

ընտքի կառուցելը՝ կկենցեղեն, զգիրներ, բազմերկեր և այլն:

Միջնադարյան աշխարհի խոր թաղանթում, ինչպիսիք Անկոն ու Պոմպի էն, կենտրոնական շրջանից բաց զայն նաև Հատուկ ժամանակագրական փոքր թվահանրեր կային, Քեյ-Սուլթանի Նեղազանի 1195/9 թթ. արձանագրությունը, Անկոնի բամբակի, բամբակի գործվածքի և բրդի գունազուրկ թույլատրումը և միայն Արսուլ-Սամառան չէրկիրթ Մուշարահում: Քեյ-Սուլթանի Տայջը՝ Արսուլ-Սուայր, որը Պոմպի ամրոցը էր և հարուստ վաճառական Անկոնի կանխիկ գումարով գնում է սելջուկները: Անկոնի բնակիչները աշխույժ առևտուր էին ածում Բյուզանդիայի Նեա Հայաստանի պետական պատմական թանգարանում պահվում է Անկոն պեղումներից հայտնաբերված բյուզանդական Ապոկրիֆ քի փոքրիկ ժողովուրդ: Այնուամենայն այս թանգարանում առաջինների գտնվել են բարդի պատմական Նամալիթում, հարուստ թաղանթների աներում և առևտրենրում:

Փոքրամուտը կան էրևո ամբողջական անոթ: Մեկը ձուռ ժամանակագրան թափանցիկ ապակուց սրվակ է, ձգված երանով, փոքր կոթ հասակով և երկար զկով: Այն գտնվել է 1907 թ. միջնաբերդի պալատի շահեպատարաններից մեկում (ազ. XLIII, 7): Երկրորդ անոթը կաթնազուրկ ապակուց ձառարանի գունազուր է, իր մաս կրում է Նորդանական շրջանում անոթներ և կապուսանց ցույսեր (ազ. XLII): Պրակտիկ զրվում են Հատուկ շրջանակի մեջ և կանխում շահեթից: Փոքրամուտը կան էրևո կենտրոնական թաներ, բեկորներ, որոնք պարզորակ են սեղով, արժեքով և հուշագրական կարգով հավաքածի մասեր լինել:

Պալատական Նամալիթում գտնված անոթների մեջ մեծ թանգարանում են կազմում բյուզանդական կենտրոններից ներթուփում ապակե անոթների բեկորները: Պրակտիկ զրու կրում են արժեքով և սովորով արված բուսական, երկրաչափական և կենդանական ապրեր պատկերներ (ազ. XLIII):

Այսպիսով, Անկոն և Պոմպիում գտնված XI դարի վերջինչուր ապակե անոթները, երկնց մեջ միավորում են այն բոլոր Հասակներից, որոնք հատուկ են բյուզանդական ապակեգործական արհեստագործներին, Պրակտիկ են մշակվածությունը, մասնակցեր, ուր, սովորով և արժեքով գարգարուր առնելիական և այլն:

Քեյ-Սուլթանի արդյունքների բազմաթիվ հիշատակություններ կան Բյուզանդիայում՝ ապակեգործության բարձր աստիճանի մասին, սակայն մինչև վերջերս շատ քիչ էին այն գտածուները, որոնք ձագում էին այդ Նեալամառույ կայսրության ասումաններից: Վերջերս պեղվել են սովորով և արժեքով գտնադարձված ապակեների արտադրության արհեստանոցներ, որոնցից ամենամեծը ուսումնասիրվում է Պոմպիոսի կողմից հորրեթուում:

Վերջին երկու աստիճաններում բյուզանդական ապակի է հայտնաբերվել էն (ազգայում), Նովորոստում, Տուրքում, երևանահատում: Համապատկերաբար, բնական և նովորոստում գտնված բյուզանդական ապակի անոթները: Իման անոթներ հայտնի են Քաֆառ ապակից (Կիպրոս, Ա. Մեղաուր պեղումներ), որոնք հարցաբանվում և անոթների ձևով մաս են նովորոստում գտնված Այզ գտածուներով զրուսությանը: Հայտնի գրանան լավ փաստագրված բյուզանդական ապակե անոթները աստիճանի ժողովուրդները: Բյուզանդական ապակու մասին զատում էին մինչև այս ժամանակ միայն որ Մարտի աստուրում պահված, Նուստանուրայից բերված միակ հայտնի սրվակով, Փուստատից (Սիպիոսում) գտնված մեծ քանի բեկորներով, որոնք հաստատում են Քեյ-Սուլթանի արձանագրում գտնված ապակեների պատրաստման տեխնիկայի նկարագրությունը XI դարում:

Ենթադրվում էրը հիշատակված ապակու այս խումբի անոթների առատության պայմաններում, կարելի է մանրամասն խոսել այդ ապակեների զեղարվեստական և տեխնիկական աստիճանագրությունների մասին: Ճիշտ բնութագրել ուր, բացահայտել բյուզանդական ապակեգործության ապրեր զարդերների և արհեստանոցների ու տեղական աստիճանագրությունները: Անկոն կենտրոնական թաների իրենց զուգահեռներն ունեն էն (ազգային, նովորոստիցի և Միգրոսից) գտնված նյութերում: Պոմպի թափանցալի պատկերով սրվակը շատ ընդհանուր սփռ ունի Կորնթոսի արտադրանքի Նեա Հնարարը է, որ նովորոստի և Կիպրոսի անոթները պատրաստված լինեն մեկ արհեստանոցում:

Բյուզանդական ապակե անոթները, գրամներին Նեա մեկուցել, հնարագործություն են բնեմում որովհետև անորական ուղիները և կայսերական առևտրի արտաժաման արևալը:

Կայսրների պետության մարշալապետ Սարկիի պեղումների ժամանակ գտնված ապակե պատրաստանների գյուտերը հակերկր և Նեալաբերդի զրուսություններից այդ թաղանթի առևտրական կայսրի մասին X—XI դարերում: Սե ապակուց պատրաստված ապակեանոցները Սարկի են բերվել Անդրկովկասի թաղանթներից՝ հիմնականում Պոմպի, այն զեղարվում, երբ նեալաբարգրված և մազակի ապակեանոցները ձագում են ներանոտի և Կորնթոսի բյուզանդական արհեստանոցներից:

Միջնադարյան մշտնապահում հիշատակվում են զեղի հյուսիս ընթացող երկու Նեալաբար: Մեկը Պոմպից, բերից մյուսով, Ազան-Նեանս զեղի կենտրոնական Քիֆիսի, մյուսը՝ Անկոնի կողմից Պոմպիսի վրաստանից Հայաստան էր կենտրոնավոր ինչպես առաջինը և ապակե անոթները: Հարի է նշել, որ Կրաստանում IX—XIII դդ. ապակեգործությունը ամենաարագավոր

և զարգացած արհեստներից մեկն էր: Փերոսիների արդյունքներից ցույց են տալիս բազմաթիվ ապակեգործական արհեստանոցների առկայություն, որի բարձրորակ արտադրանքը իրագործ էր ներքին շուկայում և արտասահմանում հարևան երկրներ:

Պոմպի նյութերում գտնվում է թափանցիկ ապակուց, բարձր որակով մի հիստայի գումաթ, զարգացած վերագիր, իսկ Քեյ-Սուլթանի և զեղի ու կարճադարձանազան կոնակներով (ազ. XI): Քիչպես հայտնի է, նման անոթներ պատրաստվել են Սուլթանիում:

Ուլաբարով են անոթների երկու բեկորներ, նկարագրված ապրերի զեղի լեզովով (ազ. XXVII, 16, 17): Իրանց մաս զուգահեռներ հայտնի են Կրաստանի Պրեթի թաղանթի ապակեգործական արհեստանոցների նյութերում: Կրաստանի ձագում ունեն կան Պոմպիում գտնված մազ-զեղի ապակուց երկու թաներ:

XIII դարի 20-ական թվականներին Հայաստանին մասը հարված հասցրին մոնղոլները: Հնապազարե-

րում Հայաստանն անբնական պատերազմների թափարքում էր, որը Նեալաբարով երկրներ այդքան թաղանթական և անտեսական անվանում, ավերվելիք ձագան թաղանթներ և զառանգներ: Այսպիսով է թաղանթին բնաշխարհային արհեստագործների և առևտրականների զեղարվածային արտադրանքը երկրից:

Միջին և Առաջավոր Ասիայում ստեղծված թաղանթական իրադարձյուն նոր պայմաններում, միջազգային առևտրում սկզբնորեն կարծուր զեղ իսպաղ Քարթլինայից եղելով, Սոկե Նորայի թաղանթներով զեղի Ռուբինի ձով տեսել հյուսիսային Հանապարները, որը նույնպես մասը Նեալաբարներ ունեցավ հայկական թաղանթների համար:

Մեծապար հիմնականում կենտրոնացավ հայկական զեղարված ձագում ունեն կան Պոմպիում գտնված մազ-զեղի ապակուց երկու թաներ: Այսպիսով և այլուր, որոնք գտնվում էին առևտրական ուղիների վրա:

ԱՐՄԵՆԱՆԻՆԻ ԵՐԱՆ

TRADE RELATIONS OF MEDIEVAL ARMENIA IN THE VI—XIII TH CENTURIES
(According to glass-work data)

H. M. DJANPOLADIAN, A. A. KALANTARIAN

- I. Պատերազմի ժամանակ արձակված զինվորները ԳՊԵ, VI—VII ԳԳ.:
- II. Պատերազմի ժամանակ արձակված իտալացի զինվորները ԳՊԵ, VI—VII ԳԳ.:
- III. Տանձանի արվեստի կենտրոնների վերացումը ԳՊԵ, VI—VII ԳԳ.:
- IV. Բաղնիկի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX Գ.:
- V. Բաղնիկի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- VI—XIV. Փարսիայի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XV. Բաղնիկի արձակված զինվորները ԳՊԵ, VIII—IX ԳԳ.:
- XVI—XXIII. Բաղնիկի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XIX. Մեծ կանխիկ տանձանի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX Գ.:
- XX. Նեանոսի կամ իտալացի զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XXI. Նախապատերազմի զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XXII. Մարտապետի փրկարարական (1,2) արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX Գ.:
- XXIII—XXV. Մարտապետի փրկարարական (1,2) արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX Գ.:
- XXVIII—XXVIIIa. Մարտապետի կենտրոնի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX Գ.:
- XXIV. Մարտի արձակված զինվորները (1,2) և փոստային արձակված զինվորները (2,4) ԳՊԵ, IX—X (7) ԳԳ.:
- XXX—XXXI. Կապի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX Գ.:

- XXXII. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX Գ.:
- XXXIII. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XXXIV. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XXXV. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX Գ.:
- XXXVI. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XXXVII—XL. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XLI. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, VIII—IX ԳԳ.:
- XLII. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XLIII—XLIV. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XLV. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XLVI. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XLVII. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XLVIII. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- XLIX. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- L. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:
- LI—LII. Մարտի ձևի արձակված զինվորները ԳՊԵ, IX—X ԳԳ.:

Armenia, due to its geographical position, played an important political and economic role in Western Asia. During the formation of feudalism and its development and especially with an increase in the production of goods, Armenian's economic relations with various countries, expanded. Strategic and important trade routes connecting the East and the West, the North and the South lay through the Armenian highlands. To a certain extent the development of the historical-cultural life of the land was also connected with international transit trade, the direction of trade routes and the degree to which they were used. Armenians actively participated in that trade, exporting agricultural and animal products, natural mineral wealth and especially craftware of good taste.

From Western Asia, Byzantium, the Far East and the North, Armenia imported spices, aromatic oils, Chinese silk, furs, various goods of daily use, among them pottery and glassware.

Glassworking was well developed in Western Asia and in Byzantium during the Middle-Ages; thus it was quite natural for it to become a means, of exchange in international trade. That fact became evident during excavations at Ani and Dvin, the largest Armenian cities. Although Armenia was known for its goods used in trade, one of the more important being glassware, yet glass vessels from the famous workshops of Egypt, Syria, Iran and Byzantium, comprised a considerable part of imported goods. The main aim of this work is to present those articles and thus, by using different methods, complete as much as possible and verify Armenian's trade-economical relations with different countries.

Home trade in early medieval Armenian cities was relatively less developed and less active when compared with foreign trade. It was in the IV c. that urban life received a strong blow when Shaph II attacked the land, when trade and crafts stood on the brink of destruction; much time and a new upsurge in urban life was needed to restore them. Some information on home trade has been preserved in church canons. One of these canons strictly forbade

the clergy to indulge in trade, since it was considered an occupation for laymen.

Armenia, being between two great powers, Iran and Byzantium, was a centre of international transit trade. In the Justinian code, the emperor's edict of 408—9, spoke of a pact concluded between the Byzantine empire and Sassanian Iran, according to which international trade exchange was permitted in Western Asia at only three places formerly decided upon: at Nizibin (Iran), at Gallinicum (Racca on the Euphrates, Byzantium), at Artashat (Armenia). In later centuries the role of the latter was taken on by Dvin, not far from Artashat.

The main trade routes of this region of Armenia are given in the map called tabula peutingeriensis. According to that map Artashat, and after the V c. Dvin, were connected by main routes to seaports in Iran, Asia Minor, Georgia, and the northern and eastern shores of the Black Sea. It also shows the "royal road", the Artashat—Tigranakert segment a part of the "Great Silk Route" from China.

All cities on main trade routes, along with the capitals took active part in international trade. Theodosiopolis (Karin) and Vagharshapat differed in this respect.

From the V c. Dvin, the last capital of the Arsacids, founded in the 30's of the IV c., became a large centre of transit trade. Later it was the seat of Armenian marzpanes, Arab oslikan (governors), of Mohammedan emirs and for 400 years, the residence of the catholics.

Dvin was one of the largest cultural and economic centres of Armenia. This is what the historian Procopius of Caesaria wrote in the VI c. "Dvin" (Dubois) has very fertile land; it has a mild climate and fine water. It is eight hours from Theodosiopolis. There the fields are level, suitable for horse riding. Well-populated villages close to each other are populated by tradesmen, since from India, from neighbouring Georgia and many places under Persian and even Roman rule, goods are brought here to trade with..."

According to itineraries compiled by Anania Shirakatsi in the VII c., five trade routes lay in different directions out of Dvin. The Northern route went from Dvin to Partav and Derbend to eastern Europe. The Western route Asia Minor to Constantinople; the South-western route through Racca to Africa; the south-eastern to Nakhichevan, Tirzob, the Persian Gulf and the eastern to Paytakaran, the Caspian Sea and Middle Asia. Medieval Armenian itineraries show trade routes more extensively, not limiting themselves to only administrative centres. Another important trade route from India via Baktria, the southern shores of the Caspian Sea to Transcaucasia (Nakhichevan, Dvin, Shirak) is mentioned by Shirakatsi in another of his works. Jewels and other goods were imported on this route.

The infiltration of the Nestorians into Armenia for reasons of trade is particularly interesting. They came from Khuzistan, a large trade and handicraft centre in Sassanian Iran.

The Nestorians played an important role in Iran. Living in Armenia, they, therefore, organized their own community in Dvin and actively traded. Evidently, Syrians also had their trade communities in Dvin; they were a trade-loving people of the Near East and the Mediterranean basin. Archaeological finds are evidence of these communities; especially the seals, some stamps of which are not Armenian in origin.

Interesting material on the organization of trade in early medieval Armenia, is given by clay sealings bearing impressions of different seals, found at Dvin (tab. XLVII, 1-6). They were used to ratify state documents, correspondence and also to stamp bales for trade. There were both stamps and personal stamps. Forty-one sealings were found at Dvin, some of them having as many as twenty stamps. Numerous impressions of the same stamp on various sealings lead to the conclusion that in medieval Armenia, merchants had their own organizations, necessary for long journeys by caravan and for foreign trade arrangements.

Nумismatic material, especially monetary treasures (tab. XLVIII) are particularly significant in studying and clarifying trade relations. The earliest coin in circulation at Dvin V-VII cc. was the Sassanian silver drachma, the basic unit of payment in Western Asia.

In Dvin coins of mints from thirty Iranian cities were in circulation in the VI c., besides which Byzantine copper and silver coins, gold dinars referred to in written sources, have been found during excavations there.

The discovery of coins vividly reflects international trade between the East and the West passing through Armenia.

Glass and bronze weights found at Dvin are most interesting from the point of view of trade-monetary relations existing between Armenia and Byzantium. Glass seals, of which bore the letter S and two others bearing the letter N, used to weigh gold coins, so-called exagiums (tab. XLVI, 79) whose weight (4.52, 4.52, and 4.40 gms) is equal to the weight (nomisma) of one gold Byzantine coin. The bronze weights are of 2 and 12 nomisma, with corresponding symbols (tab. XLVII, 7). Fundamental changes in the monetary system used in Armenia were not observed during the initial period of Arab domination (end of VII-Ist half of VIII cc.). It was only in the second half of the VIII c. that coins of the caliphate appeared and Armenia began to use the general monetary system of the Arab caliphate.

The economic decline of Armenia during Arab domination (end of VII-beginning of VIII cc.) influenced transit trade as well. In spite of certain conditions leading to extensive ties with various regions of the caliphate, Armenia, during that period, lost its position in international trade. In the initial period, trade relations between the East and Asia Minor came to an end, because of continual wars with the Byzantine empire. The breaking off of transit trade also had its influence on Armenian cities; it was a period of economic decline, and those cities that became military-administrative centres. However, Dvin continued to be a main city, the capital and to a certain extent Theodosiopolis, about whose craftware Arab chronologists (Yakut, Yakubi and others) speak with high praise. In spite of limitations, foreign trade was conducted with different countries within the caliphate. There were trade relations with the Khazars.

Arab itineraries were compiled to help Arab soldiers and officials. They are in great detail giving all stops and the distances covered in one day. All the roads would finally meet at administrative centres in the northern region of the Arab caliphate such as Dvin, Partev, Maraga, Ardebil. Naturally enough, besides troops, tax collectors and trade caravans also passed along those roads.

Dvin began to mint its own coins from the first half of the VIII c., which along with other Arab dirhems were widely circulated in international markets, among them Armenia, then a province of the Arabian caliphate. Coins minted in Armenia may be found in the monetary treasuries of European

countries—Sweden, Finland, Denmark (IX-X cc.). Similar coins have been found in Old Ladoga, Novgorod, Kiev, Moscow, and Ryazan.

In the VIII-X cc. monetary units of adjacent cities and states (Iran, Syria, Tabaristan, Fars, Nishapur, Merv, Herat, Bukhara, Samarkand, etc.) were circulated in Armenia, an evidence of the extensive trade relations with those countries. Coins of Baghdad and Rayy were widespread. In Armenia copper coins were mainly used in home trade.

In the countries of the Caliphate, among them Armenia of IX c., there began a brisk increase in the forces of production and economic progress. That development finally brought about the formation of feudal cities, an increase in the production of goods, the separation of crafts from agriculture and the growth in home and foreign trade.

The political situation changed in Western Asia too in the IX c. The formerly mighty Arabian Caliphate began to decline. The weakening of the central Abbasian power made it possible to activate political life in outlying semi-independent principalities. In northern Armenia, the Bagratid feudal family whose political aims were very definite, received sovereignty and the royal crown. The Bagratid kings wanted to regulate the economic life of the country. First of all trade-diplomatic relations with adjacent countries were put into order. The first step in this respect was the trade agreement with the Byzantine empire at the end of the IX c., according to which Armenian merchants could trade at Black Sea ports (Trebizond, Sinope, etc.). Armenian itineraries till that agreement, pointed out Armenia as the only land route, connecting Asia Minor with the capital of the empire. That route went via Karin, Yerzinka, Konia, Amasia to Constantinople and then on to Rome.

Thus at the end of the X c. and the beginning of the XI c. towns on the new route began to flourish and prosper. Contemporaries spoke with delight of the untold riches received at these cities from such sea-land trade.

As a result of brisk trade with Byzantium, a large quantity of Byzantine gold coins flowed into Armenia; being more stable currency, it gradually replaced the Arab dirhem. Byzantine gold coins found during excavations at Dvin were of Constantinople coinage.

After the fall of the Bagratids (1045) and with Seljuk invasions (1048), there was a temporary economic decline in Armenia. The political and economic life of Armenians was centered in Cilicia

where in the XI c. the Armenian kingdom was established. It played an important role in Western Asia for three centuries. Armenians, with their seaports and land routes, took an active part in trade between the East and the West. There existed ties between Armenia and Mohammedan countries in the East. Cilician coins and craftware found at different sites are proof of this.

In the XIII c. a new rise in the economy of Armenia and growth of cities was noted. Large centres of trade and handicrafts in the XIII c. were such Armenian cities as Dvin, Ani, Karin, Kars, etc. Archaeological excavations at Ani and Dvin as well as written sources give evidence of the brisk trade with various countries. Outstanding among those are the fine porcelain objects from central Iran (Rayy, Kashan, Sultanabad), seladon of Chinese origin, Syrian glassware, etc. Precious stones, gold, spices and other goods were imported from the East.

Due to an increase in trade with Georgia in the XII c. large number of Georgian coins flowed into Armenia. Copper coins of Tamara and Rusudan were often found. Armenian-Georgian relations were the outcome of political events after the liberation of part of Armenia, the result of the political-military cooperation of these two peoples. The Zakarians were at the head of that movement.

The basic trade laws of Medieval Armenia are reflected in Mkhitar Gosh's code of laws. Many clauses of this XII c. code of laws reflect conditions which existed in the land in early times and traditionally passed on to the period of feudalism. The same thing may be said about the organization of trade.

Urban trade in the land was the privilege of the supreme sovereign and was supervised by the supreme power. Feudal lords controlled local trade; they supervised it both in cities and other settlements. Among the duties of the feudal lords was the establishing of measures and weights for goods sold. All throughout the state a uniform system of taxation was enforced. It was collected at the place of trade along with the sale of imported goods.

Home and international trade had to have its organization—a market. Among big trade institutions of the Middle Ages were market-fairs, which took place at previously designated places and times. The fairs had local and international significance.

As a rule, in large cities there were, beside the main market, many smaller markets, each specializing in the sale of a particular type of agricultural product or craftware.

Merchant organizations conducted their work locally. Generally, people, from the same city, of the same nationality and faith lived in a particular part of the city or settlement, basically outside the city walls. There, they had places to stop at, storage facilities and could hire watchmen.

If trade with a given city was conducted regularly, the more important trade settlements were transformed to permanent living quarters for merchants, thus organizing trade communities. To ensure the needs of merchants and caravans, special dwellings for caravans and inns were built on mountain paths. In cities too, inns were built for travelling merchants.

A few such constructions have been excavated at Ani. Two of them, the largest and more richly furnished, were located in the centre of the city, not far from "Main Street", near the central gates.

In one of the urban districts of Dvin, a large public building has been partly excavated, which was probably the central market of the town. That construction with its 36 columns (4 rows) is a fine example of early medieval monumental architecture.

Excavations at medieval monuments afford rich material to help in clarifying a number of problems concerning Armenian foreign trade. Artistic pottery and glassware stand out among the material found in Ani and Dvin. There is a collection of rare examples of local and imported glass vessels, which in respect to quantity have great historical value, widen our concept of glassworking in the IX—XIII cc. in Transcaucasia and Western Asia.

Glassworking in Armenia has very deep roots. Very early examples of glassware exist from the II—I millennium B. C., found in tombs and Urartian monuments. Glassworking reached a high level of development in ancient times (Garni, Artashat).

Medieval glassworking continued the best traditions of ancient production. This is evidenced by early medieval glass objects found at Dvin, Hatzavan, Aygevan, Garni.

Armenian and foreign sources give us much information on the development of glassworking in Armenia. First among them is Agathangelos' description of the life of Hripsimé. It contains much reference to different articles and glass vessels. In medieval Armenian manuscripts, interesting information has been preserved on the composition of glass. Armenia was rich in sources of raw material for glass. Much valuable material on that subject may be found in Byzantine and Arab sources. Mention is also made of imported glass. Thus king

Smbat Bagratuni presented the Arab emir with a coloured glass vessel. Byzantine origin. Matheos Urhayetzi says that Katranidé, the Armenian queen, had a very expensive crystal torch brought from India for the Kathoghiké church in Ani.

Dvin was the famous centre of glassworking in medieval Armenia. The study of Dvin glass not only makes it possible to differentiate articles of local glasswork, but also to understand its development. In Dvin remains of a V—VI cc. glassworking furnace were revealed during diggings for a palace construction. Large quantities of leftovers were found there, glass panes for windows, pieces of lamps, etc. The chemical analysis of glass showed the extensive use of obsidian rocks and dolomite in the compound. In the IX—XIII cc. there were a number of workshops in Dvin whose products differed in characteristic features, style and technique, connected with different compositions of glass.

A large aluminium content is characteristic of Dvin glass of the IX—XIII cc. and is probably connected with local raw material. A comparison of Armenian glass with that of Georgia and the Near East, shows that the latter contain very little aluminium.

To determine where glassware was produced, especially by means of chemical analysis presents much difficulty, since craftsmen migrated from one country to another. There is such evidence concerning craftsmen who lived in Near Eastern countries. Those craftsmen brought with them not only traditions but also the basic part of the raw material used. That explains why components of glass found in different countries are similar.

Master craftsmen skillfully using old traditions and local raw material, created highly artistic objects of high quality. Glassware occupied a firm place in the life of city folk. Even though high-grade glassware could be found in Dvin, people, especially the upper strata, would get and collect in their homes aesthetically fine glassware made by famous masters of glassworking of Iran, Syria, Byzantium.

The collection of glassware in Dvin in VI—XIII cc. included wonderful objects brought from those countries, a fact confirming and outlining trade routes.

The oldest and best samples of imported glassware found during excavations at Dvin are products of Iranian masters. Those objects (mostly of everyday use) are varied in shape but have been prepared and ornamented by common techniques. There are thick, semi-transparent glass bowls on

which there are polished facets of diverse figures /tab. 1—II, XIV, 1, 2/. Similar bowls were prepared locally, yet they were different in manner of execution.

The next group of imported vessels are thick-walled, conical cups, widespread in Western Asia in IX—X cc. /tab. IV, VI—XIII, XIV, 3—9, 11, 12/. In literature they are called products of the "Abbasian workshops" of Iraq (Baghdad, Samarra) and used for export. Similar cups have been found over a very large territory: in Middle Asia (Afriasiab, Kuldor—tepe, Karabulagh), in the north Caucasus and even in northern Europe (Birka, Sweden). As a rule such cups were found along with Abbasian coins. These conical cups, well-known in archaeological literature and territorially wide-spread have various facets, ornaments, circular facets, almond-shaped and rhombic facets, etc. Recent excavations at central Dvin, have yielded new material, among them conical cups with polished facets. Outstanding among them are those found in 1977 richly decorated with vegetative and geometric designs /tab. VII—VIII, X/. One of them bears part of an Arabic inscription /tab. XIII/.

There is a bowl in the Dvin glass collection with Arabic inscription along the lip. Unfortunately the bowl was mold-blown, and the inscription is illegible; however the time and place where it was prepared (Northern Mesopotamia IX c.) may be correctly discerned by means of Kufic letters /tab. XII/.

The next group of glass vessels from Dvin, are cups with a body widening in the upper part, comparatively thin walls of transparent glass /tab. XVI—XVIII/. They are richly ornamented and may be classified with rare, valuable glassware. They are rarely found in glass collections. Such cups are known to be from Samarra.

Small, thick-walled flasks have long been known as articles of international trade-barter; large quantities of such flasks have been found during excavations of medieval cities and fortresses. Those flasks have a firm base and a narrow neck. They were molded and then worked up when cold /tab. XV/. Those vessels were very convenient for keeping and transporting aromatic oils and perfumes. A comparison of the shapes, quality of glass and ornamentation of those flasks with similar vessels of Syrian and Egyptian origin (Fosta) convinces us that they were imported. Those vessels are mentioned in references, as being sold in Syrian and Egyptian markets for medicaments and aromatic oils. No doubt

in the IX—X cc. Armenia traded extensively with Caliphate cities Baghdad, Samarra and glass was basically imported from there. Material from Dvin and Ani show that such imports also continued in the XI—XII cc.

In the Dvin collection there is a two-handled vase, made of thick colourless glass. The entire surface is covered with large facets /tab. V/. Parallel vessels are very few in number. We know of one vessel of green glass, at the Corning Glass Museum (USA); it is thought to be Iranian glass of IX-X cc.

Flasks and their necks /tab. XX—XXI/ are often found in IX—X cc. material, made according to complicated glass cutting techniques. There is one such complete vessel in the Dvin collection. Similar vessels may be found over an extensive territory, in Western Asia, Samarra, Rayy, Nishapur, Afriasiab. They are found in great numbers especially in Khulbuk, trade—craft centre of Middle Asia.

There is a thick, pear-shaped crystal jug which stands out in the Dvin collection. It is remindful of previous eras when metallic forms were known. Another one of the same vessel was found in Nishapur (Berlin Museum). Both vessels were prepared at the same workshop and are dated IX c.

Among material found in the IX c. layer of the central part of Dvin, a coloured-glass vessel stands out having a narrow oval lip and an ornamented body. A bird, probably an eagle, holding the victim in its claws, has been preserved. There is a Kufic inscription, a wish, among the pictures. Parallel vessels do not exist /tab. XXVIII, XXVIIIa/.

In that same place in 1980 fragments of three cups were found of thin transparent glass with coloured ornaments and inscriptions /tab. XXIII, 28, 29, XXIV, XXIVa/. The body of the first cup is decorated in yellow and brown. The vegetative design there includes a kind of fantastic animal. An inscription has been painted on the glass. Of the second cup only a small fragment with vegetative designs has been preserved. The ornament of the third cup consists of four-petaled flowers, the petals being green. The inscription on the lip may be read in part.

Similar copies of these coloured cups are not often found. There is a similar cup on display at the Moscow State Historical Museum in the show-case "Trade Relations of the Golden Horde XIII—XIV cc.". The place where the cup was found is not known, while the date is incorrect. More similar copies of the VIII—IX cc. are known in material found in Syria and Egypt. There is a cup decorated

in the same manner in the Metropolitan Museum fund (USA) dated IX c. and is believed to have originated in Egypt.

A deep bowl with folded lips is included in this same group; it is made of thin transparent glass and decorated in yellow, brown and green. The decoration is divided into four horizontal parts. The uppermost is an inscription, the second consists of vegetative design, the third is an inscription; while the fourth is decorated with rhombes and dots. There is another inscription at the bottom of the vessel with symbols of the Sun and the Moon /*tab. XXV, XXVa/*.

The same kind of glassware is to be found in Dvin excavations of previous years, though they are strictly fragments (*tab. XXVI, XXVII/*).

The technique of cut glass is traditionally considered the product of an Egyptian workshop; in the IX c. it spread to Western Asia and in XI—XIII cc. it was widely used in Byzantine and Syrian workshops. In the 200 years of development and perfection this technique, many separate schools—workshops appeared with characteristic features and aesthetic styles. Among Syrian cities it was Raqqa that first produced cut glass. The style of decorating used at those workshops, differing from those workshops, differing from those of Aleppo (XII c.) and later Damascus (XIII c.), stands out for its richness and its greater use of gold. The entire group of painted glassware found in the central part of Dvin are of the IX c. and from the point of view of technique. They remind one of glassware produced in Syrian workshops, especially the famous masters of Raqqa.

According to Armenian itineraries, one of the busiest trade routes went from Dvin to Jerusalem, the Mediterranean Sea and then on to North Africa. That route lay near the south Armenian cities of Manazkert, Khatat, Nprkert near Hamid, then to the river Tigris and then south through Aleppo and Damascus. It was one of the important, extensively used of the Middle Ages. It was on that route that tributes collected were taken to Damascus, the capital of the Caliphate; military and diplomatic detachments moved, and Mohammedans went to Mecca and Christians to Jerusalem. There was a continual flow of trade caravans on this road. In international trade this main road played a very important role and maintained its significance during the Arab caliphate (VIII—IX cc) and in later years (X—XIII cc.). Life in the cities on that road

was quite stable. They were well-populated, well-built and fine markets.

At both Dvin and Ani glass objects made by famous masters of Raqqa (IX c.), Aleppo (XII c.) and Damascus (XIII—XIV cc) were found.

The Byzantine glass finds at Dvin and Ani are very interesting. They have great significance not only in restoring trade relations but also make it possible to study Byzantine craft, especially the development of glassworking.

Fine bowls of mosaic and such fragments have been found at Dvin, which were widely known in the West, mostly in Italy in the IX—X cc. Two of them are shallow bowls made by the "milifioro" method /*tab. XXIX, 37/*, the glass is thick and frosted. One of the bowls was found in the citadel along with XI c. Byzantine coins and with a blue, transparent glass vessel conical in shape on which there is an ornament called "bird feather" /*tab. XXXIII/*.

In 1953 in one of the citadel rooms in Dvin a blue flask of thin glass was found, the entire surface decorated with gold and yellow, green and red enamel. The vessel has a conical body, a thin neck and circular base. On the body of the vessel there are four small and large circular medallions, with pictures of people and animals in the centre. One of the medallions shows a man sitting crosslegged with a violin in his hand. The rest of the surface of this vessel is covered with various animal, vegetative and geometric designs. The flask is a rare sample of the high-grade objects made by Byzantine glass workers.

This is the oldest picture of a violin. Its horizontal position, held by the left hand and leaning against the jaw, is characteristic of western musicians, while in the East stringed instruments were held in a vertical position, when played.

According to specialists, stringed instruments were used in the West from the IX c. The violin pictured on this vessel may be called a kind of violin since it differs greatly from modern instruments. The waist of the violin is wider, its finger-board is short and has three strings, although there are four pegs at the end of the board.

In reality, it is a rare reproduction of a prototype of the modern violin. In respect to style and technique this vessel may be dated as belonging to the XI c.

Many years of archaeological excavations at Ani revealed the city's significance in trade and crafts among the cities of Northern Armenia. Excavations by N. Marr and his followers showed that

the centre of trade and crafts of Ani was the new city which grew outside the defensive walls of the citadel. It was there that trade houses, markets, inns were located, that is on the "Main Street" which led from the citadel to the main entrance of the new city gates (Smbatashen). On this street there were other types of buildings too, such as churches, mosques, bath-houses, etc.

Ani residents conducted a brisk trade with Byzantium. There is a small collection of Byzantine glass finds during excavations by N. Marr at the State Historical Museum of Armenia. These valuable objects of imported glass were found in the palace complex of the city, where the houses and temples of rich townfolk were located.

There are two complete objects in this collection. One of them is a flask of dark lavender transparent glass, with an extended body, a small, round base and a high neck. It was found in 1907 in one of the courtrooms of the citadel palace /*tab. XLIII, 7/*. The second object is of milky-coloured glass funnel-shaped lamp, on which there are horizontal circular furrows and bluish drops /*tab. XLIII/*. They were inserted into special frames and suspended from chandeliers. There are two semi-spherical bowls and fragments in the collection, ornamented with gold and enamel that could have served as parts of a lamp.

Among those finds in the palace complex there is a large number of fragments of glass vessels imported from Byzantine centres. There are many pictures on them, of vegetative, geometric and animal design, of gold and enamel /*tab. XLIII/*.

Thus all the above mentioned glass objects found at Ani and Dvin in the XI c., have all the features characteristic of Byzantine glassworking workshops. They are well worked out in motifs, styles, in technique of gold and enamel decorations, etc.

Although there are many references in written sources to the high level of Byzantine glassworking, till very recently there were very few finds which had originated within the limits of that widespread empire. Lately workshops were found where glassware had been decorated with gold and enamel the largest of them being that studied by Davidson in Corinth.

In the last two decades Byzantine glassware has been found in Old Ladoga, Novgorod, Turovo, Kherstones. Byzantine glass finds of Novgorod are particularly interesting.

Objects from the fortress of Pafos (Cyprus, A. Megous excavations) are similar in decoration and form to Novgorod vessels. Thus a whole series of well-described Byzantine glass became known, if formerly fine crystals were judged by the well-known flask of Constantinople found at St. Mark's in Venice, a few fragments found at Fostat (Egypt) confirmed the Theophile treatise on the description of the technique used in preparing coloured glass XI c.

Since at present there are large numbers of objects of this group of glassware described, it is possible to speak in detail of their aesthetic features and techniques used, correctly define the style and, in specific cases, give characteristic features of different schools and workshops of Byzantine glassworking and of local ones.

The Ani semi-spherical bowls have their parallels in finds at Old Ladoga, Novgorod and Cyprus. The Dvin flask with the picture of the violinist has much in common with products from Corinth. It is very likely that the vessels from Novgorod and Cyprus were prepared at the same workshop.

Byzantine glass together with coins help to clarify trade routes and Byzantine empire trade areas.

Glass bracelets found during excavations at Sarkel, the capital of the Khazar state, have led to interesting observations on trade relations of that city X—XI cc. Black glass bracelets were brought to Sarkel from Transcaucasian cities, mainly Dvin, while ornamented and mosaic bracelets originated at Byzantine workshops in Kherstones and Corinth. Medieval itineraries mention two other routes northward: one from Dvin, via Bdjini, along the ravine of the Aghstev-Hunan River to Tiflis; the other from Ani via Lori to Dmanis, importing pottery and glass objects from Georgia to Armenia.

It must be mentioned that glassworking was one of the most widely-spread, developed crafts in Georgia in the IX—XIII cc. Excavations have shown the existence of many glass workshops, whose products of fine quality were sold at home markets and imported to adjacent countries.

There is a wonderful Transparent glass cup with high feet in the Dvin material, decorated with overlay glass threads and yellow and reddish-brown buttons /*tab. XL/*. It is known that similar objects were made at Rustavi.

Two fragments of vessels decorated with enamel of different colours are most interesting /*tab. XXVII, 16, 17/*. Parallels have been found in mate-

rial belonging to the glass workshops of Orbeti in Georgia. Also of Georgian origin are the two dark yellow glass bowls found at Dvin.

Armenia was given a heavy blow in the 30's of the XIII c. by Mongolian invasions. In later centuries, Armenia was a continuous battlefield, as a result of which it declined politically and economically; formerly prospering cities and provinces were destroyed. The urban population, craftsmen and merchants began to migrate from the land in great numbers.

As a result of the new political situation in Middle Asia and Western Asia, an important role in international trade was played by the Northern routes from Khorezm in Turkmenia via cities of the Golden Horde to the Baltic Sea. This, in its turn, had a negative influence on Armenian cities.

Trade was mainly conducted in Armenian communities established in Derbend, Trebizond, the Crimea, Northern Caucasus, Lvov, Podolsk and elsewhere on trade routes.

- I. Semi-spherical bowl with facets, Dvin, IV-VII cc.
- II. Fragment of semi-spherical bowl with deep facets, Dvin, V-VII cc.
- III. Pear-shaped flask, triangular overlay ornament, Dvin, VI-VII cc.
- IV. Cup with polished facets, Dvin, IX c.
- V. Fragment of a two-handled vessel, engraved ornaments, Dvin, IX-X cc.
- VI-XIV. Engraved ornaments on thick-walled cups, Dvin, IX c.
- XV. Four-sided flasks with engraved ornaments, Dvin, XVIII-X cc.
- XVI-XVII. Cups, thin-walled, with engraved ornaments, Dvin, IX-X cc.
- XIX. Jug, pear-shaped, one-handled with engraved ornaments, Dvin, IX c.
- XX. Large jug with conical neck, Dvin, IX-X cc.
- XXI. Some kinds jugs, necks, Dvin, IX-X cc.
- XXII. Relief bowls /1, 2/, blown in decorated molds /3-5/, Dvin, IX c.
- XXIII-XXVII. Cups decorated with vegetative and geometric designs and Arabic inscriptions, Dvin, IX c.
- XXVIII-XXVIIIa. Decorated oval flask, blue, Dvin, IX c.
- XXIX. Bowls of mosaic glass /1, 2/.
Fragments of flasks, thick-walled, leather ornaments, Dvin, V-IX cc.
- XXX-XXXI. Tulip-shaped cups, Dvin, IX c.

LIST OF TABLES

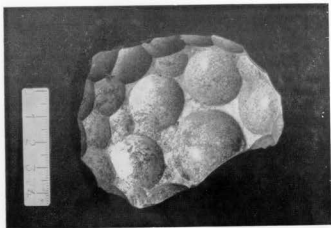
- XXXII. Large conical cup ornamented with blue "threads", Dvin, IX c.
- XXXIII. Small jug with white designs, Dvin, X-XI cc.
- XXXIV. Vessel of lavender glass, Dvin, X-XI cc.
- XXXV. Fragments of decorated flask, with picture of violinist, Dvin, X-XI cc.
- XXXVI. Fragments of decorated cups, Dvin, X-XI cc.
- XXXVII-XL. Jugs and cup with overlay "threads" and "drops", Dvin, XII-XIII cc.
- XLI. Stamped handles and weights, Dvin VIII-IX cc.
- XLII. Funnel-shaped lamps, Ani (?), V-VII cc.
- XLIII-XLIV. Fragments of various ornamented vessels, Ani, XII-XIII cc.
- XLV. Pear-shaped vessel, interior low-handled flask, Garni, XIII-XIV cc.
- XLVI. Weights of mosaic glass and Byzantine exagions /2/, Dvin, V-VII cc.
- XLVII. Clay stamps and bronze weights /7/, Dvin, V-VII cc.
- XLVIII. Silver coins, Sassanian and Byzantine, Dvin, V-VII cc.
- XLIX. Faience bowls, decorated with cobalt, Dvin, IX c.
- L. Lustrous faience, bird design, Dvin, IX c.
- LI-LIII. Lustrous faience vessels, Dvin, XII-XIII cc.

ТАБЛИЦЫ
ԱԳՅՈՒՍԱԿՆԵՐ
TABLES

TABLE
BY ROBERT
L. HARRIS

1

2

2

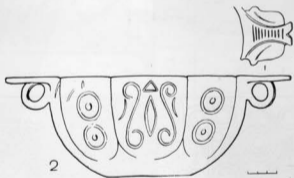

1

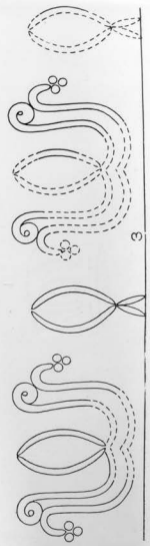
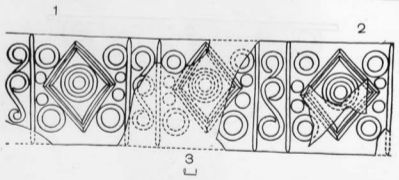

0 2

2

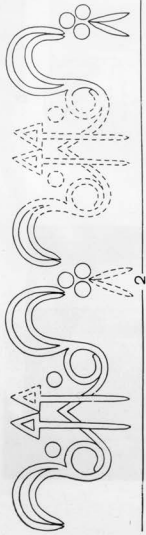

2

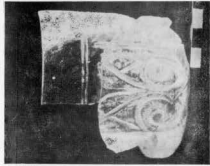

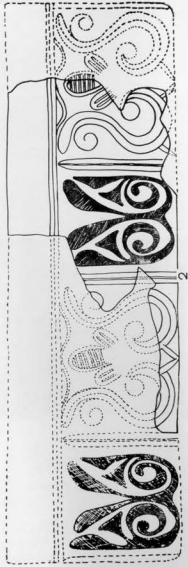
1

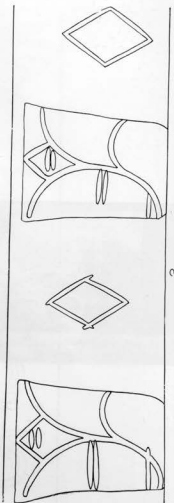
2

1

2

2

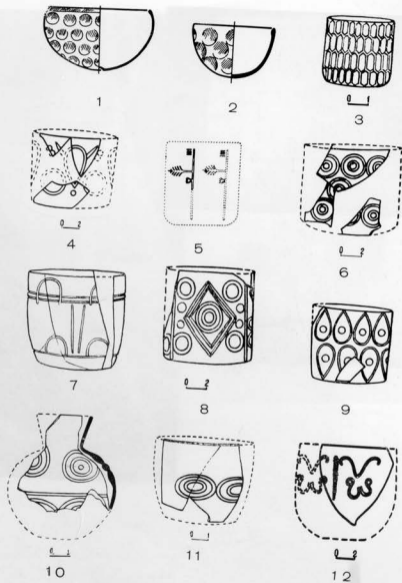
1

2

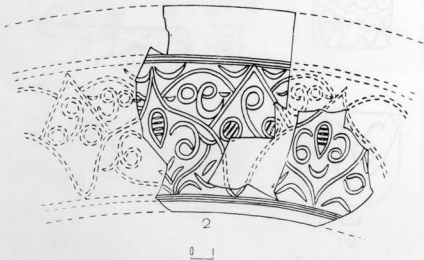
3

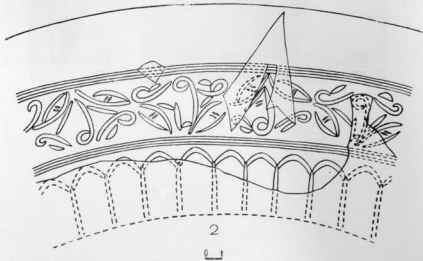
1

2

1

2

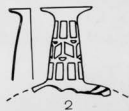
2

3

6

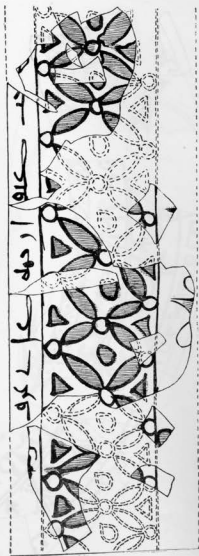
2

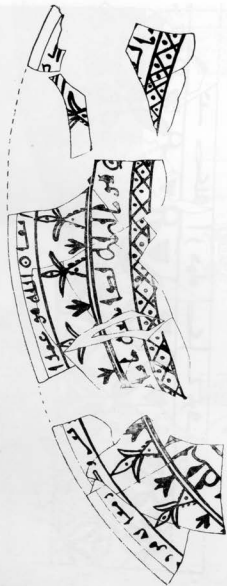

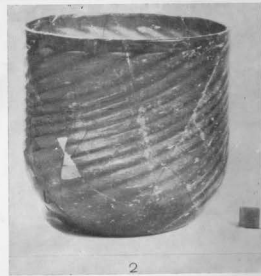
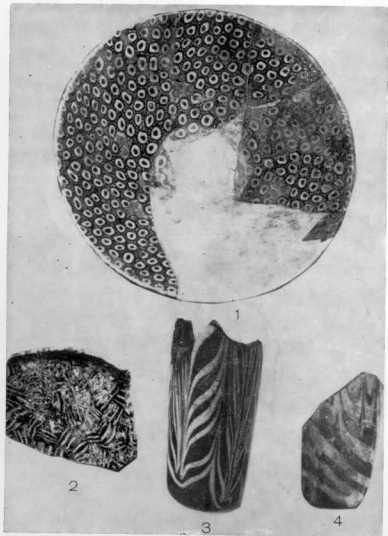
4

5

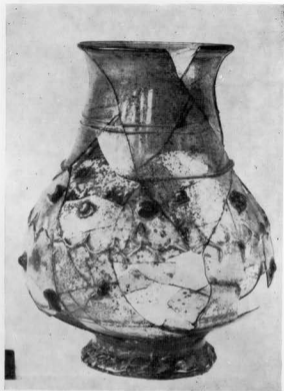

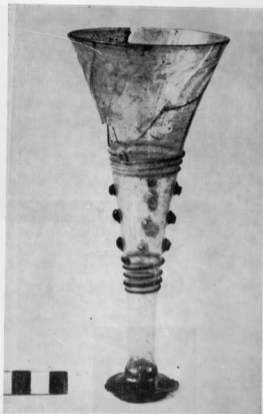

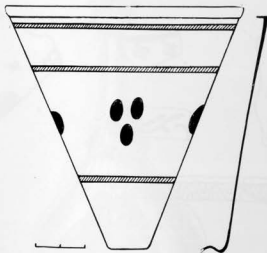
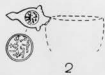
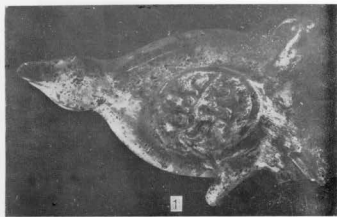

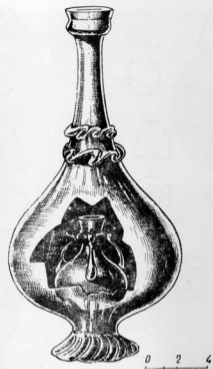
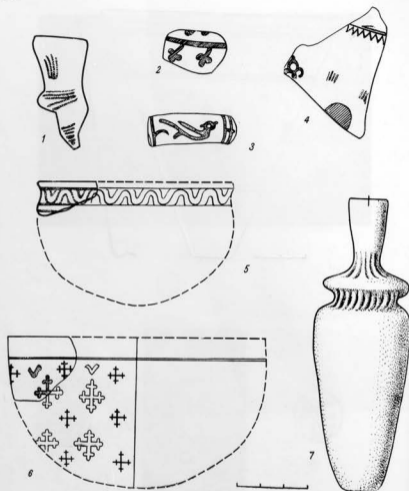

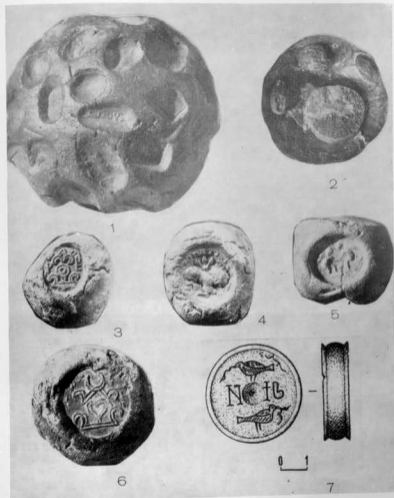
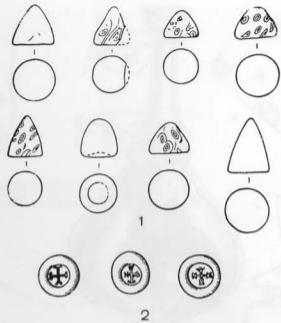

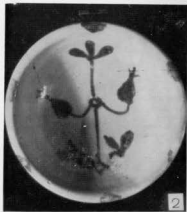

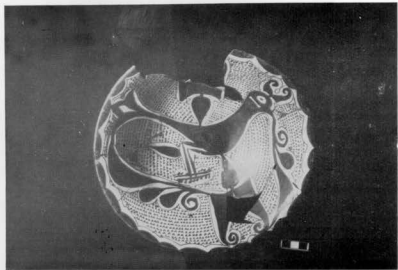

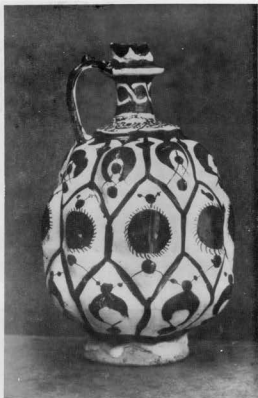

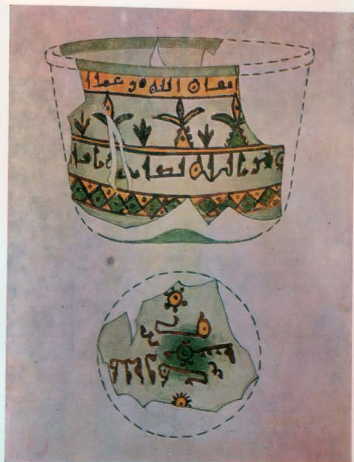
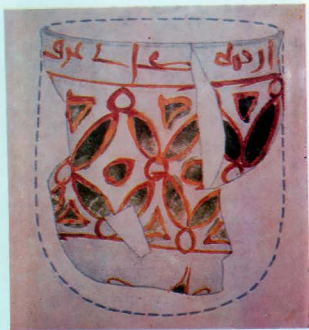

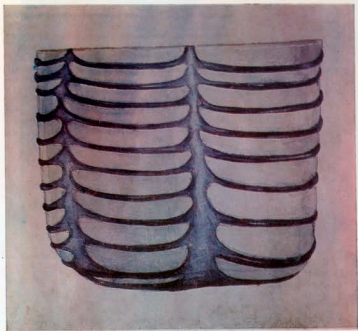
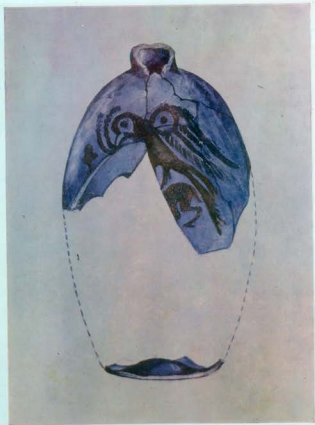

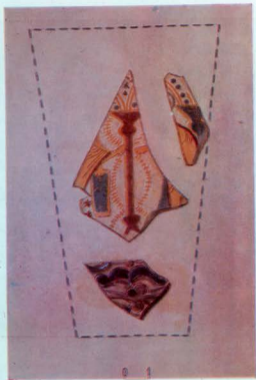

СОДЕРЖАНИЕ

Торговые связи средневековой Армении в VI—XIII вв. (по данным стеклоделия)	5
Примечания	16
Список сокращений	17
Каталог	18
Литература к каталогу	25
Միջնադարյան Հայաստանի առևտրային կապերը VI—XIII դդ. (բնակարարական առևտրային կապեր)	28
Վաճառականքի ցուցի	28
Trade Relations of Medieval in the VI—XIII centuries (according to glass-work data)	39
List of tables	47
Таблицы	48

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АРМЕНИИ 14 СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ВЫПУСК VI

РИПСИМЭ МИКАЕЛОВНА ДЖАНПОЛЯН
АРАМ АШОТОВИЧ КАЛАНТАРЯН

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ В VI—XIII ВВ. (по данным стеклоделия)

Редакторы издательства *Н. Г. Алараян, П. А. Мадоньян*
Художник *К. К. Кафадарян*
Тех. редактор *Л. К. Арутюкян*
Корректоры *А. Н. Савенко, С. А. Сохакян*

ИБ № 1254

Сдано в набор 24.12.1987 г. Подписано к печати 1.08.1988 г.
Формат 60×90¹/₂. Бумага №1. Шрифт «Литературный»
высокая печать. Печ. л. 3,0+57 табл. Усл. печ. л. 13,26.
Учгбс-изд. л. 9,21. Тираж 1000. Зак. №1643. Изд. №7419

Цена 1 р. 40 к.

Издательство АН АрцССР, 575019,
Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24 г.
Типография Издательства АН АрцССР, 578310, г. Эмивадзор.